
Галина Ицкович

Примерка счастья

*Избранные стихи и переводы
2007–2017*

Москва
«Вест-Консалтинг»
2018

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус)
И96

Ицкович Г.
И96 **Примерка счастья. Стихи** —
М.: «Вест-Консалтинг», 2018 — 208 с.

ISBN 978-5-91865-501-6

Аннотация

© Галина Ицкович, 2018
© Лев Аннинский, предисловие, 2018
© Марк Поляков, обложка, 2018
© «Вест-Консалтинг», оформление, 2018

«А, может, это дыхание Бога?»

Люди чувствуют, в какой невменяемый хаос сползает их бытие при исчезновении из него привычных, наскучивших, а иногда и осточертевших опор. Какие-нибудь истины, или сенсации, ещё памятные ныне живущим, сваливаются во вчерашние газеты и скидываются в нечитаемые никем архивы или в скорые помойки. И то, что вчера занимало умы и души, исчезает в обрывках и обрезках, которые никто не собирается подбирать.

Нет, это лучше обрисовано в стихах:

*Поверишь ли, что где-то
в маленьких магазинчиках на задворках мира
до сих пор пускают на обертку газеты.
С брезгливой миной
гляжу на чужие буквы,
нечитаемую журналистскую клюкву,
типографскую краску,
гордость ненашенского Гуттенберга.
Номер в черном и красном — от воскресенья или
от четверга неизвестного месяца бывшего года.*

*Может, славным событием дня был прогноз погоды,
может, гибель империи,
гиены в пригороде или выборы в мэрию.
Их трагедии кукольны и нелепы.
На помойку газеты!*

Это стихи Галины Ицкович. Она родилась и выросла в Одессе, а потом, объехав полмира, сменила место жительства и с начала 90-х годов обосновалась в Нью-Йорке.

Не надо думать, что это выбор «инога мира» в противовес «родимой точке». Одесса — город, славный не железной замкнутостью, а как раз пестротой и многообразием обновляющегося населения. Так что жажда объять мир у одесситки, что называется, в крови.

«Тимбукту, Пекин, Йокогама, Керчь...»

Что-то сцепляет этот перечень... «Неуловимая похожесть»? Хотя в каждом новом месте — свой жест узнавания. «Горстка риса в пальцах правой руки»... Где обретается в этот момент странница? Может, в Дакоте. А может, в Аргентине. Каждый раз какая-нибудь деталь фиксирует место: не спутаешь. Рекордной в этих приметах (если учесть нынешние русско-украинские отношения) я бы счёл следующую строку:

«Мир вишнёвый коло хаты». Понятно, где это?

В общем, размечается целая сфера общения, где участники нащупывают общий язык. Изобретательность заразительная. «Араб в ушанке по-датски со мной говорит». С чего бы это? Допустим, датский

он выучил, собираясь в Европу. А ушанку надел, сообразив, что собеседница — русская?

Этот интернациональный (всемирный по традиции) адрес общения — важнейший в жизненном строе нынешнего молодого поколения, в котором осознала себя Галина Ицкович.

Интересно: в этом кругу никто никого на учит жить.

Посмотрим на конкретном примере. Учтём стилистику поэтессы. Статуя Свободы и Бруклинский мост. Затор: статуя — «франтиха, школьница, иностранка» — перегородила на мосту маршрут вагончику. Пассажиры — «яппи и хиппи, технари и придурки» — ворочаясь в потнейшей люльке, — хватаются за телефоны и проклинают заоконную красоту.

Поэтесса бросает им вслед:

«Вы поезжайте, а я ещё люблюсь, пока

Мы со Свободой маемся в поисках общего языка».

Ассоциативно: две великие столицы, Москва и Нью-Йорк — не думают учить друг друга, а ищут общие пути: общие ценности, общую базу общения. И общий смысл такого общения.

Поиск Единой Базы — черта поколения, идущего на смену энтузиастам Красного Века с его горьким опытом.

Вспоминает ли Галина Ицкович этот горький опыт?

Вспоминает. И вот как: читает книгу о Корчагине. Школьное задание. Но сказать что-нибудь по существу отказывается. Я, говорит, сейчас на диете. Ей про то, как закалялась сталь, неинтересно.

Может быть, у «пролетариев всех стран» найдётся что-нибудь поинтереснее? Пролетарии, пишет она, заняты тем, что прячут от прохожих свой «хронический разброд между жизнью и учением». Страна при этом усердно претворяет план, «обещая Золушкам башмаки». Интересно, как отнеслись бы настоящие марксисты-ленинцы к башмакам как к цели коммунизма...

Да ведь не в самих идеях дело, а в том, что под ними (в их основе) лежит кровавая драма двух мировых войн и смертельной войны отечественной. Это источник всех лишений.

«Как польский еврей с палестинскою девой войну зимовали, друг друга спасая...»

Или ещё штрих. Каким незаметным был в школе одноклассник, а запомнился навсегда, сгоревши в танке...

«Флейта тревоги вливается в жуть партитуры».

Жуть партитуры — война. Это беда страшная. У неё нет и не бывает края, своего или чужого: лишь тотальная беда.

Но если человечество отшатывается от мировой войны, — будет ли шанс жить, отодвинув прочь тотальные программы, а просто быть... живыми... и изумляться: «как это я всё ещё живу?»

Эти прецеденты бытия, вроде бы уклонившегося от всемирных исторических мобилизаций, — любимый тип юмора Галины Ицкович.

«Старуха жила на краю деревни... Старела достойно, сажала капусту, читала Пруста (дань забытой моде)»...

Или такой, более правдоподобный оксюморон:

«Мать притворяется,

что верит в бабушкины болезни,

Я притворяюсь, что прогулка через лес

Уже не повредит моей репутации,

Волк притворяется бабушкой. Что за мир!»

Что это за мир, где все притворяются, будто живут, как получится, — без принципов, без незыблемых опор, без вечных истин?

Нравственный инстинкт подсказывает Галине Ицкович, что надо возвращаться к вечным истинам. Но уже без кровавого подбоя.

Скорее уж это конец оплаченного маршрута (как у Бруклинского моста): «Входит кондуктор, внимание! Где оно, последнее партмоне?»

С кондуктором придётся расплачиваться — это естественно, как смена света и тьмы:

«Тьма — перебой дыхания, переход в свет из света. Кто-то есть у выхода. Кто-то, должно быть, стоит у выхода».

Кто-то... Толстовски формулируя: кто или что — не знаем, но что-то есть.

С какою же осторожностью, а то и с опаской всматривается Галина Ицкович в фигуру, которая обещает выпустить её из развесёлой гульбы, где бабушка и волк — одно и то же, в мир, где обозначатся вечные истины и незыблемые нормы бытия! Как тихо надеется героиня пройти эти бытийные ворота! А вдруг тут, на краю преисподней, вырвется из груди притаившийся там крик: «Грех!» — и всё пойдёт прахом?

А если не пойдёт прахом? Если удастся нащупать вечные истины и в условиях нынешней гульбы?

Фигура в дверях — молчаливая и загадочная — тихо возвращает душу к бытию, где великие понятия воскресают в потоке повседневности. Да возможно ли это — после всего, что пережито?!

А голоса, живущие в детской памяти любого нормального человека, это чьи голоса? Может, родителей?

«А может, это дыхание Бога?»

Лев АННИНСКИЙ

* * *

Пляшу на резинке китайской игрушкой,
Болтаюсь капризным шутком, Скарамушем
На сетке батута моих настроений,
Меж бурных разрывов, скупых примирений,
Меж теми и этими, лишним и нужным —
По строчке, по голоса нитке, по сетке
Скольжу я резиновой марионеткой.
Стою перед зеркалом — как приукрашу?
Я раньше казалась значительно старше,
Когда, хоть была еще юною деткой,
Бессовестной ложью звала я идеи,
Что счастье возможно, что чувства бессменны,
Что мысль матерьяльна. О, дух непокоя! —
А нынче готова я верить в такое,
Пока голова моя не поседает.
Забуть, да и плюнуть! Но мысль обещает
Мне вечную юность. Она оседает
На сонной щеке моей потной ладошкой.
Поверить ей, что ли? — в полоску — в горошек
Дурацкое счастье с утра примеряю.

07.2012

ОТРИЦАНИЕ ТЬМЫ

* * *

Предощущение смерти
Впивается в ухо
Иголкой акупунктуриста.
Предощущение смерти
Проносится по хайвею
В миллиметре от левого зЕркала.
ЗеркалА
Лгут, обещая еще
Несколько лет до наступления распада.
Лгут
Все эти, непознанные мною,
Мужчины
И даже некоторые женщины,
Обещающие, что смерти не будет,
Стоит только обняться покрепче
И не пускать, не пускать.
Предощущение оставляет иллюзий:
Разве дорога без рытвин
Бывает бесплатной? На контроле
Смерть деловито прохаживается
вдоль будочки толлов,
постукивая коробочкой EZ-Pass.

2008

Партия тревоги

Стоит ей вступить, запеть голосочком тонким
 В пульсе, в желудке и в кончиках пальцев ног,
 Вмиг понимаешь, узнаешь о том, что
 Нет страшнее зверя, чем телефонный звонок.
 Догадаться несложно — по дрожи ли рук,
 по лицу ли,
 Что уже начались менуэт и гавот.
 Флейта тревоги вливается в жуть партитуры
 И целый день наяривает мимо нот.

12.2016

Юдифь

Как меня, иностранку, уродку,
 Недотепу, невесту без места,
 Не доверившуюся собственному народу,
 Недостойную праздника уличного оркестра,
 Бог выплюнул сюда жестом тромбониста,
 Вытряхивающего воду из мундштука,
 Обрядил в нью-орлеанское монисто,
 Доверил тонкости чужого языка?

Я купила дом окнами на кладбище.
 Мертвецы при виде меня снимают шляпы.
 Мне подаст здесь любой, даже нищий,
 Что ж до меня, старомодной растяпы,
 То мои даяния не заметят..
 Муж неделю не покидал дивана.
 Очевидно, бессмертье ему не светит,
 Как и прочим таким же талантам в странном

Этом городе, росчерке безыскусном,
 Где выживают лишь гады или герои,
 А прочие либо тонут в безумстве, либо
 Овладевают, как я, избирательной слепотою.

Каково же мне, педантичной зануде,
 Интерес находящей в пирогах и вязанье,
 Выходить по утрам с головой на блюде,
 Будто имя содержит в себе призванье?

2007

Будни Красной Шапочки

Я пишу по стихотворению
 Перед каждым походом в лес.
 Не о природе, не о прогнозе погоды,
 Не о Красной Книге, в которую
 Прямехонько направляется волк,
 И не о Фредерике из Голливуда,
 Растиражировавшем мою шапочку.
 Не о пользе вкусной и здоровой пищи,
 Не о прелестях навигационной системы,
 Не о половой распущенности современной
 молодежи,
 И конечно, не о волке,
 Который — всего лишь больная собака,
 Лишившаяся чувства реальности
 В результате постоянной подкормки
 С наших помоек. И отнюдь не о том,
 Как хороши, как свежи были пирожки, —
 Я пишу о совершенно других вещах:
 Об ожидании предательства;
 О путешествии сквозь узкую волчью глотку;
 О страхе быть спасенной снова и снова;
 О режущем свете, отражающемся от лезвия
 над головой,
 О женах охотников, говорящих, что
 я сама виновата;
 О лжи; о предчувствии страха.
 О невозможности выбора.

Бабушка боится одиночества.
 Волк опасается несварения.
 Я в ужасе от охотников.
 И только охотники не боятся ничего.
 Мать скрывается от бабушки.
 Бабушка скрывается от общественного порицания,
 Не жалующего симулянтов,
 Волк скрывается за деревьями.
 Я скрываю, что уже отпила из бутылки,
 Предназначенной милой старушке,
 и долила ее водой.
 И только охотникам нечего скрывать.
 Они прячут свои ножи лишь для того,
 чтобы вновь достать.

Мать притворяется, что верит в бабушкины
 болезни.
 Я притворяюсь, что прогулка через лес
 Уже не повредит моей репутации.
 Волк притворяется бабушкой. Что за мир!

Кажется, опять звонит телефон.
 Что, вялотекущая пневмония?
 ...Волк скулит со сна. Волку снится,
 Что он собака,
 затосковавшая по припозднившимся
 Охотникам, и так оно, видимо, и есть.
 2007

Апельсины из Москвы

В дни, когда я считала,
что морошка — это небольшая такая морока
и все еще путала Сирано и сирокко,
на щеке или лбу иногда расцветал
черный ромбик со словом «Марокко».

Я болела за шкафом — как сладостно!
В новостройки вливались инъекцией сумерки.
Апельсинное тело истекало органными трубами.
Апельсинные трубы во рту моем
сладостно лопались,
а замерзшие трубы в котельных отчаянно лопались.
Я брела по просторам моей третьей
за зиму простуды.

За окном бился ветер.
Он врывается всегда ниоткуда.
Был ли это муссон, суховей ли, самум ли, сирокко?
Всюду он проникал, он меня доводил до марокко,
он морочил меня,
одаряя ознобами, обмороками,
он меня заключал в черно-желтые
клейкие ромбики.

Ну, а ромбик сулил
витаминов разгул в моем теле,
острый запах зимы
и Москвы с настоящей метелью.

Пламенело в гортани
простудное яркое зарево,
и рождалось в органе
проведение темы простуды,
его предзакатное марево.

Я лежала за импортным шкафом, и мне одиноко
не бывало в те дни, потому что мой гость
из Марокко
отдавал мне себя и клеймо, и оно становилось
Холстомера тавром, или знаком ужасных
трех лилий
в тайнике подключичном, пока я болела, читая,
одинокой чайнкой кружась по поверхности чая.

По ту сторону шкафа рабочие пол циклевали
усердно.
Под тремя одеялами я расширяла усердно
лексикон, и судьбу вышивала, вынашивала
до срока,
и новехонький дом наполняла
тоскою предсмертной,
и наклейки копила с магическим словом "Марокко".

Мне казалось, умру —
никогда не исполнится десять,
никогда не покину февральскую слякоть,
задворки Одессы,
не видать мне Марокко, его апельсиновой дали...
Хорошо мне на этом конце говорить о начале.

Я простуду давно заменила другою болезнью,
я забыла о пыли наждачной, уколов блаженстве,
но все помню о детстве,
 где было мне так бесприютно,
и бывшие шкафы из древесно-прессованной
 стружки
не дают мне укрыться от ветра, и память пока что
беспрочно меня возвращает
 в февральское утро,
будоража иллюзией, что чай не остыл и морока
когда-нибудь снова уменьшится до морошки,
и Марокко из черного ромбика
 меня еще ждет немножко.

02.2013

* * *

Мигрень

 рабовладелицей врывается в день
и драму обладанья разыгрывает в лицах.
«Миг» — названия обещает миг,
но длится,
 и длится,
 и длится.

Распорядок составила — я живу по нему.
Лишь нарушу — придет, по местам все расставит:
если вдруг я надумаю боль обмануть,
наказание ждать себя не заставит.
Буровая скважина — в правом виске,
правый глаз вороном склеван.
Медленно переворачивает мигрень
меня, к вертелу ее прикованную.
Боль наушниками ввинчивается в уши,
айПод проговаривает:
«Ай. Ай. Ай.»
Пубертатной святоше,
 садистке,
 склочнице
слышать это не надоедает.
Столько лет не устает от меня! —
 скуля, на пианиссимо
из дома в дом за мной следует,
 напрашиваясь в спутницы.
Иногда пускает за руль, посторонившись,
позволяет безопасно переходить улицу —
приспособливается к ситуации. Береже-ет!

Не считает, что один из нас — лишний.
Если я умру, то и она умрет.
Мой мозг — ее кров и пища.

Дайте ночи. Обмотайте голову ночью,
где небо и море черны —
лишь горизонт протерся белым на сгибе.

Нарисуйте дом и залейте черным.

— Что сегодня на ужин?

— Чернила.

Дайте влагу. Сквозь поры,
как почва,

я впитаю кожей ненасытной
ночь и влагу — они повязкой
обволакивают рану невидимую.

От этого никто еще не умирал. Мигрень —
это мщенье душе в беспокойном теле,
и выходит боль, прикрывая дверь,
чтобы снова вернуться
где-то в конце недели.

02.2013

Прятки

Однажды ты вернешься в четыре,
в пол-пятого самое позднее,
и не найдешь меня.

Платья грудой на перилах лестницы,
нелюбимые тобой
романтические смешные шляпы
на тумбе у двери,
телефон заряжается.

В трубке жив пока голос:

«Вы позвонили в офис...» —
но помада состирывается с плеча рубашки,
загорает полоска от кольца,
черный воздух топорщится
рентгеновским целлулоидом.

07.2014

Насекомые

Лимонницы и капустницы взлетают к сердцу,
покидая брюшную полость.
Клещи выгрызают узоры, мерещат мышцы.
Азиатский жучок-вонючка
карабкается по пересеченной
местности мозга,
восьмиугольным Дон Кихотом
трусит на сером, как он, гиппокампе.
Черные блестящие спины муравьев
под моей кожей
щекочут, поднимают меня на волне тревоги.
Это — такая стадия метаморфозы.
Что-то вырвется из меня,
из темных закоулков тягучей ткани...

08.2013

Послеоперационное пессимистическое

Примитивней, чем первый крик
Планеты, просверленной каким-нибудь Мориарти,
Я страдаю — раненый континент.
Голос рвется из дальней впадины,
У которой больше секретов нет.
Я, оказывается, обширна, как материк,
Но, увы, не составлена карта.

На краю моих Патагоний,
Неоткрытых конкистадором или Паганелем,
Жарче, ярче и потогонней,
Чем процесс рождения или деления,
Бледно-красным горят поля,
Болью засеянные с той недели.

Ничего не соединяет больше
соединительная ткань.
Собственные клетки отторгаются
возмущенной плотью.
Может, это живут во мне нерожденные тети,
Близнецы мои, неродившийся материал.

«— Я...» — но «я» — это только часть
Всех этих трубок и дренажей,
Где соборный храм рассыпается
на отдельные витражи
И невидимые старатели
Из меня извлекают жизнь,
Грузят на тачки невидимые шахтеры.

Ткачи зашивают карьеры (чувства, мысли)
Особо уродливым швом.
Как я не вскрикнула, пока из моих потемков
Добывался смысл
Оперативным путем.

02.2016

Билеты забвения

Единственный
не подверженный инфляции товар —
это забвение.
С возрастом билеты забвения дешевеют,
становятся мне по карману,
купить их значительно проще.
Воспоминания гремят застрявшим в замке ключом.
Переверни лабиринт моей памяти,
и просыплются крошки,
закладки, заметочки ни о чём:
имена любимых собак
и пробуждения от чьего-то дыхания,
историческая необходимость
и стратегия выживания
на отдельно взятой,
победившей собственных демонов
(или забывшей о них?) земле,
на острове, соедине...
(Входит кондуктор, внимание!
Где оно, последнее портмоне?)

09.2013

Das Flugzeug^{*}

Железная муха, волшебная флейта.
Выдохнутое «Flu-u-u-u-u» немецкого взлета.

Сквозняк слова «die Luft^{**}» —
чудесный, прозрачный,
невесомый.
Почему ж я слышу вой авиабомбы?

Дудочка, уводящая детей.

Граффити на хромосоме моей.

9.05.2012

* * *

На прогулке с профессором философии
он рассказывает мне,
как непросто и стыдно ему преподавать
в последнее время.

Пока я изучал предмет,
я потерял жену и усыпил собаку,
говорит он горестно.

Я чувствую себя мошенником,
рассказывая о счастье как категории.

Я, пожалуй, что жить не умею.

Больно глядеть во вчера, страшно — в завтра.

Постойте, я восклицаю. А как же Ситатапатра?

Жизнь не кажется сложной нисколько,

когда Ситатапатра раскрывает белую парасольку.

Продавщица счастья в белом халате,

как мороженщица над вспотевшей тележкой.

Мне за двадцать восемь давайте.

Сдачу не забывайте, медленно ешьте.

Зубам так холодно, что даже горячо.

Вон показался ее веселый грузовичок

(мотор мурлычет «ом–мама–ом»),

беспечный кораблик в бес–фор–мен–ном

море препятствий и забот,

круглый парус ее, как нимб над головой.

Ситатапатра, похоже, за мной,

но может и вас захватить на борт.

Мне не жаль поделиться, наоборот!

* **das Flugzeug** — самолет (нем.).

** **die Luft** — воздух (нем.).

Шагал

Я открыла глаза и увидела,
до чего ты, спящий, стал похож на свою маму.
Я с годами, наверно, стану напоминать дедушку.
Представляю, как эти двое еженощно
будут вступать в перебранку,
даже не просыпаясь, не подозревая о том,
что небо предместья свободно.

02.2014

* * *

Соседи наблюдательны, как идеальные врачи.
Просыпаешься, а за стеной — перебор:
«Он любит не тебя, опомнись, Бог с тобою...»
Там не ложились, видно. Сжимаешь виски:
Им-то откуда известно о твоём полуночном
страхе?

01.2013

Старый Munster

Храм тугоух: оглох от просьб
за шесть веков.
Позаброшен давно, аскетично прост
Münsterhof.

А в апсиде ангелы пухлы, вздыхают вслух,
вот поди ж.
Здесь же — все в касаниях губ и рук,
Гос-по-ди.

Пожимаю лапы химер.
Что просить? Любви, например.
Прихожу к нему — подержать в горсти.
 Попрошу, пожалуй, что простоты.

12.2013

* * *

Лишний вес
во мне и моем багаже
на диету —
Голгофу —
Голодную гору
разбросать тряпье
по аэропорту
облегчается
кажется
уже

Лишний вес
в словах моих и судьбе
без апломба
попробуй
но мнение
мнится
бомбой

я пыталась любить
но так стыдно быть бабой
глупость — слабость?
посвящается слабость моя тебе

Лишний вес
скажет строгий мой весовщик
принимая груз
через год? через сколько?
Из чего она сделана?

Тряпки — кости —
в зажигании мозга
затихший ключ —
накрест кисти

Извини меня милый
что так надолго
затянула
такое простое дело
01.2016

Пост-травматически-дементное

Когда деменция лизнет меня, ёрничая, языком
и я забуду (списком):
имя твое, мой милый;
значение понедельников в главном моем романе;
куда я повесила новые брюки
и название части тела,
для которой их приобретала;
вкус подтаявшего, за двенадцать копеек, пломбира;
вкус школьных разочарований;
цвет маминых глаз;
свой адрес и код банковской карты;
кому я принадлежала в последний раз;
кому принадлежат номера из телефонной памяти;
значение слова «память» —
и тогда будет вечно падать
предынсультными мушками нетающий снег,
зачернивший лето над моим двором;
а в небе зависнет стоп-кадром
самолет-щелкунчик, расколовший
на неравные части день и век.

01.2014

Покупка лампы. Исполнение желаний

Поверишь ли, что где-то
в маленьких магазинчиках на задворках мира
до сих пор пускают на обертку газеты.
С брезгливой миной
гляжу на чужие буквы —
нечитаемую журналистскую клюкву,
типографскую краску,
 гордость ненашенского Гуттенберга.
Номер в черном и красном —
 от воскресенья или от четверга
неизвестного месяца бывшего года.
Может, славным событием дня
 был прогноз погоды,
может, гибель империи,
гиены в пригороде или выборы в мэрию.
Их трагедии кукольны и нелепы.
На помойку газеты!
 Их почти что и не было, не бы...

Из газетных складок
украшаем чужого уклада
лукумно-восточная, сладкая, как инжир,
взирает исполненная непонимания,
промытая вечностью висячая лампа,
не исполняющая желание
сохранить мой непрочный мир.

09.2015

ДОМИК В ДЕРЕВНЕ

Дачники

I.

Говорили в Одессе: «Ничего, что без драки?..»
Я выхожу пройтись, потому что
Страшно мы все надоели друг другу
Дачной гармонией псевдорадушной.

То ли дело добрая ссора
В духе тетки, отца и деда.
Серьги готовы, но где же сестры?
Что там за птица стенает «где ты?»...

II.

Этот лес — из чужого детства.
(Домашний вопрос: «Далеко до моря?»)
Бабушка, радуйся — вкусно естся
Внукам в загородном предгорьи,

Но жестко стелется, чутко спится,
Хоть воздух Кэтскильщины сух и розов,
И пересмешник, одесская птица,
На глупый вопрос отвечает вопросом.

07.2017

* * *

Холодок в затылке — наставлено дуло леса.
 За стеной сосед умирает буднично, как-то пресно,
 Пилит дуру-жену за кисель, за столом пролитый,
 За потерянный ключ, за рассеянность и забитость.
 Выражает свой гнев и страх в ежедневном вое.
 Лишь она и он. Ну, и смерть. Поместились трое
 В деревенском домишке: при раке полезна дача.
 А столкнись во дворе — не пожалуются,
 не заплачут.

На другое лето — все тихо, соседа нету.
 А как было бы славно нам вволю повыйть дуэтом.
 02.2014

Уединение осенних гач

Люди выезжают, и вселяются все
 прочие, которым было отказано раньше в постое:
 жуки и олени, олени-жуки, совсем
 не водящиеся в этих краях особи. Ветер стонет.
 Солнечный свет
 аккумулируется в далеких батареях,
 напитывает пространство,
 абсолютный, как оркестровое «ля»,
 лижет простершиеся в прострации,
 разлинованные поля.
 Багажники утрямбованы,
 осень объявлена в мегафон.
 Я не хочу еще возвращаться.
 Пальцем скольжу по карте,
 дотягиваюсь до теплых названий —
 Ашхерон, Апшерон, Ашкелон...
 Или все-таки здесь зазимую?
 Остатки галет и Бакарди —
 наш праздничный праздный стол.
 Ястребы тянут за «полный стоп»
 и висеают в своем небесном заливе,
 наблюдая миграцию стада лентяев и недотеп,
 не желающих норы копать, утеплять
 и, довольствуясь малым, жить счастливыми.

Давай же останемся,
к декабрю превратившись
в обитателей здешних лесов:
в волосах моих белки устроят гнездо,
ты сквозь гнилое крыльцо корни протиснешь.
Отказ отказаться от лета. Осеннее восстание.
Если хочешь, мы вместе состаримся.
Ты ведь сам просил о свидании.

10.2015

Миграция виггов в сезон охоты

Три охотника, мусорщики на профсоюзной пенсии,
Обладатели мощных тазов, злых затылков,
покатых лбов,
Оленей в ноябрьском лесу отстреливают
по лицензии.
Темноликие ели и сосны вздрагивают от хлопков.

Не для скряг подобное увлечение:
Камуфляж, снаряжение достаются не даром.
А еще, как голос для пения, требуется терпение —
Особая добродетель охотника скрадом:
Деревянные стенды прилаживать
с манками рядом,
Моститься на привязанном чуть не к облаку стуле
Или долго стоять, не двигаясь, ружья наперевес.
Остальное — техника: быстро прицелиться,
выстрелить (не впустую),
Парашютчицу-смерть спуская в беззащитный,
в пролысинах, лес.

А олени не спрашивают, в чем их провинность,
у бога оленьего,
Наперед не планируют, по расстрелянным
не скорбят
(Недострелянные ходят виноватые
и растерянные,)
Путь сквозь осень просчитывая, как уравнение,
Но не вглядываясь ни вверх, ни назад.

Отстреляв свою вахту,
отдыхает за пивом
охотников жадное братство.
А олени все обсуждают исход
из предательского древостоя.
РезистАнс — не оленье дело:
за отпор не решаются браться.
Ночами олени выходят к дороге строем
И следят, как большие мусорки, джипы, седаны
Возвращаются в город порожние или с добычей.
Олени теряются, ведут себя странно,
Кидаются под колеса — хорошо,
если водила, раздувшись по-бычьи,
Успеет затормозить.
Эти полуслепые дети взбесились!
Как оленья башка от пули,
от грозы раскалывается небо,
И не знают олени, где выход
из ежеосеннего бессилия,
И все длится сезон необъявленных войн
и смутного гнева.

12.2015

Деревянный дом

Много суток дождя. Не створоживается творог.
Лес и поле заперты на замок
Из подземных вод и наземных глин.
Дом, не смыт дождями, стоит один,
За конец дорогу придерживает, сторожит.
Разве может дерево столько жить?
Не вывешивается белье. Не налаживается связь.
Дом отваживается бросить водобоязнь —
Остается только пуститься вплавь.
На усушку с просушкой — ни ресурсов, ни прав.
Не вылепливается быт. Это блажь и дрожь.
На крыльце плащи. Проходите, дождь.

— Это чья избушка? — Давно ничья... —
Корни дома шарят по дну ручья,
И дрожит в потоках шальной воды
Наш ковчег набухший. В нем я да ты.

07.2016

КАК ПУТЕШЕСТВОВАЛИ ВСЕГДА...

Автобусные поездки в странах третьего мира

Что я успела узнать об этом автобусе,
мчащемся
мимо цветов на обочине,
мимо маленьких злых штопоров пыли,
мимо, мимо,
пока я думала о колонии микробов,
греющихся и растущих под пальцами
на горячем металле поручня?

Зачем, впрочем, задаваться вопросами
о придорожном цветке,
если тут, в автобусе,
старуха везла оранжевые лохматые комки,
оторванные от ножек, обесточенные,
нанизанные на нитку,
говорящие «namaste»,
целующие мой локоть разбухшими, влажными
то ли от росы, то ли от старухино пота, губами.

Их название, знакомое с детства, затерялось тоже.

Я даже не выяснила толком маршрута.
Среди непроговариваемых названий
не видно было моей остановки,
но, очевидно, автобус все-таки
позаботился обо мне,
поскольку пишу эти строки из места, которое я зову
домом.

Был и другой в моей биографии,
деревенский, автобус,
только тогда, в первом,
 не зияла разделительная черта
между маленькой мужской
и большой женской половиной.
Я стояла, неожиданно высокая,
на невидимой полосе между ними —
женщина, одетая по-женски,
решительная, как мужчина.

Americana — для мужчин,
для женщин — puta,
крадущая их мир.

Но и этот автобус
(ох, и натерпелась же страху)
не подвел, доставил.
Водители знают, куда мне надо,
или я привыкаю к новым местам,
новым мирам,
новым правилам
в их неуловимой похожести?

Иногда спрашиваю себя:
из того ли пишу дома, из которого
вышла с утра?

06.2012

Дни в ожидании Индии

Вверх по склону, мимо обязательного храма
и горчично-конопляной пыльной
растительности, потом —
пригнуться и войти.
— У нас туристам неинтересно.
Здесь ведь нет базара, —
мужчина-сикх сказал,
а юная женщина спросила
на каком-то наречье:
— Ты не моя сестра?

Я пролистала Индию от сикх до сикх.
Не пора ли вернуться; тогда я вчитаюсь,
начав с любой страницы:
страницей ли в Прадеше или Ладахе,
или махарани в Раджастане
проснусь, и сАдху
будет сидеть за окном, в саду,
огромной стрекозой:
коричневое сухое тело в духоте
оранжевых крыльев. Крытые небом
храмы Орчхи
охраняют каменные слоны,
приветствуют у входа
и птиц, и обезьян,
и мальчиков-проводников,
и нового Бодхисаттву,
уже карабкающегося по каменистому склону.

Вот уж где каждая дорога ведет к храму:
не плюй, не ругайся, не фотографируй
ни фас, ни профиль старинных книг.
А хочешь,
оставь храм и просто живи: начинай дни
с ритуала утреннего чая —
с перелива тугой раскаленной струи —
в чашку ввинчивающегося торнадо,
с жара распахнутой двери
семейной лавки,
с горстки риса в пальцах правой руки,
с рекой — божеством:
сколько ни грязни,
она не позволит нам погрязнуть
в реалиях этой жизни.
Проводи же дни
в ожидании Индии.

08.2012

Под Южным Крестом

Зима среди города, не знающего зимы,
на палец ниже экватора, на берегу океана.
Это, признаться, довольно странно,
как в ожиданье лета вовлечены,
уязвимы местные птицы,
а также разного возраста дамы.
В моде все оттенки зеленого,
заговоренного. Загазованность
воздуха компенсируется напряженной дискуссией
о положении в мире.
Неудивительно, впрочем,
что хлопочут прибрежные рестораны,
открывающиеся после короткой сиесты, в четыре,
публику зазывая. Места занимая, как в ложе,
женщины на террасе морепродукты гложут.
Хозяйка привыкла к ним за зиму —
целуются у двери, не нарушая этикета и грима.
— Вам особенно удаются коровьи сердца на гриле.
— Сердца на гриле — фирменные...

Последней
входит блондинка, столь юная, что замирает беседа:
даже неясно, зачем ей лето.
Сквозняки пронизывают, как стилетто.
Под столом изумрудный
коклетничает с аквамариновым, но красным
мясом, грудями мяса наполнены тарелки
дам прекрасных.
Шарфики рвутся на юг, пальцы их зелены.

Бывшие хищные птицы лениво,
показушно так выстраиваются клином,
но улетят разве что под угрозой
гражданской войны.

Сердца и колбаски поглощаются по воскресеньям.
Так убивается зимнее время.
Сердца переходят на зимнее время.

Они приходят сюда годами,
Не одни, так другие. Снесет цунами
когда-нибудь к перуанской маме
суд-американских сударынь. Они,
конечно, могли бы
забыть о вчерашнем и завтрашнем,
остепениться, не вглядываться из-под руки,
но все ждут. И только самая старшая
все чаще, заказывая, предпочитает рыбу
и втихомолку отращивает плавники.

06.2013

Межконтинентальный паром

Проливы — результат Божьих портняжных
ножниц.

Гибралтары, Босфоры,
Брючины, горловины,
Разрезы на атласа коже.
Прибываем в Тарифу, где пассажиры,
Паспортолицы, сгорбленноспинны,
Пытаются подготовиться к афродизиаку
Африки. Причалов секретные знаки
Фригидность Европы скрадывают.
Пролистав проливы до половины,
понимаешь, что мощь
моря — Молоха, Сатурна,
пожирающего сушу — детище, —
невероятней, чем наши попытки
оприходовать, подытожить.

Море переплывать — только множить
субконтиненты, Индокитай.
Море морщится, протискиваясь в узкую пройму,
вытачкой въевшись в Марокко, утоляя печали
по земле, приближает порт неохотно.
На пароме, под брызгов бравурный шлягер,
под паромом, в кипящем супе волны,
море, серийное, иссиня-дебюссинное,
предчувствием Сеуты и Абиссинии наполняет рты.
Континенты, на первый-второй рассчитайсь,
Европа, отходи.

Разрубленный узел кровоточит, а значит, Гордый
завязал его по живому,
расплатившись Азией за разрыв.
Здесь Геркулес расписался на скалах,
страстью к подвигам заразив.
Впрочем, билеты в продаже, решится любой,
разве что сдуру откажет мотор.
Начинаешь писать о смерти
и все-таки скатываешься в любовь:
Пожалуйста, мне отмерьте,
а после отрежьте в дар
две заплаты земной материи.

Приветствую вас, Гибралтар.

06.2017

Расширение словарного запаса на третий день пустыни

Пустыня учит новым чувствам,
расширяет возможности языка.
Раскаленное чувство хайвея.
Хриплое чувство песка.
Скрип собственных волос
называю чувством сквика.
Привыкаю к нему.
Прочие чувства немеют,
впадают в спячку.
Сваянная вербьюжья спина
обеспечивает качку;
кто-то верно придумал, что ход верблюда
неотличим от корабля.
Вдоль хайвея,
подальше от заглохшего, задохнувшегося
автомобиля,
путешествую, как путешествовали всегда.
Как называется этот ветер,
обжигающий глаза?
Пустынная болезнь отличается
от морской обезвоживанием
и отсутствием бортика,
через который можно перегнуться.
Попробуй только перегнуться через верблюда —
и укус обеспечен,
а посему — подавляй тошноту.
Верблюды вечны.

Если укачивает на вер-блюде,
пиши вер-либр.
Скудость оазиса последней заправки —
заключительная нота,
отправляющая в трехдневное верблюдование.
И что же — верблюдованию.

01.2013

Субтропическое Рождество

С самого Дня Благодарения
хочется неблагодарно уезжать,
не набиваясь за стол к семье,
на семи ветрах расправлять самолетные крылья.
Безугрызенно, бездумно, совсем без усилий
подмигивать какой-нибудь карибской волне.

Но Рождество преследует, не отвертись,
не завертишь глобус вспять.
Этот момент декабря зафиксирован крепче
узла морского
у причала, где яхты трутся о сваи,
местные гракли щелкают,
перебивают прилетевших за булкой гостей
в поисках нужного диалекта, птичьего слова,
где, порушив иллюзию вечного лета,
аборигены скупают елки.

День короче курортного платья —
месса на островах начинается в пять
или в полшестого, с уходом солнца.
Темнолицые дети садятся в искусственный
снег вертепа,
итерация юной Марии в отпечатках
благоговейных взглядов
смеется в оконце,
сверкают, как дары трех царей, глаза сурикатов.
Санта машет лампадой в санях,
эkleктично благословляя всех.

Тут задумаешься поневоле
об универсальности красоты, дыхания, боли.
Менее важно все, что между.
 Более важно, кто дышит рядом.
Где-то дома горит и не греет желтый свет
 дешевой гирлянды,
падает примитивный, провинциальный снег.

12.2016

Поиски древней Греции

В царстве кожи и меха общешься древней Эллады.
Поезжай лучше к туркам, в страну
 бесконечного чая,
Где из Греции специи жар добавляют в прохладу,
Где обычаи пряны, где странных людей приветчают.

Поскреби-ка страну, я уверена — не пожалеешь.
За две тысячи с лишком несчетно песчинок
 налипло.

Отслоив Капыкыры, находишь следы Гераклеи,
А гора Улудаг отделяет тебя от Олимпа.

Здесь заварено небо покрепче, руины как ранки,
Пятипалая Латмос дымится горячей пищей,
А глаза у турчанок сверкают нездешней огранкой.
У гречанок, я думаю, вряд ли такие отыщешь.

Местным жителям древняя Греция —
 просто соседка,
Синекрылая бабочка, в сон погруженная томный:
Именами богов называют лавчонки нередко
И приезжих ведут поздороваться с Эндимионом.

По душе их базары и фески, торговля и споры,
Пьяный дух порто-франко мне, дочке
 Эвксинского Понта.
— Эге-гей! — окликаю фелуки Эгейского моря.
— Эге-гей! — откликается Черное за горизонтом.

На войне не бывает случайно зашедших и лишних.
Ты захочешь забыть, но вдохнешь —
 кислород из осколков.
Сколько можно дышать,
 чтоб не лопнули легкие, сколько?
И когда-то, в каком-то краю, под начало убитых
Поступив (потому что всегда — за убитых),
 от корки до корки
Прочитаешь банальный свой триллер,
Curriculum Vitae.

06.2015

Киев. Агора трамвайных путей

Вдоль рельсов вернисажем сухоцвет,
Ржавеют на газетах кучки фруктов.
Кассандры, Федры — бабки средних лет —
Без выручки пока проводят утро.
Как двадцать лет, как пять веков назад,
Они в пыли, с земли торгуют чем-то.
Античные, практичные глаза.
Куда там Ренессансу с кватроченто!

В лучах рассветных рельсы и ведро
Блестят, как серебро. Меня моложе
Иная, но в торговле повелось,
Чтоб хустка до бровей и взгляд пострже.
И паданки, отраду голубей,
В газетные пакеты собирая,
Они прожить пытаются свой век
По правилам игрушечного рая.

Вот Федра удит сливу из ведра
(Дивертисмент «Продажа сливы», соло).
Какая к черту линия бедра? —
Плывет в поту, как в собственном рассоле.
— «А вот цветы!» — одна кричит мне вслед
И девушкой меня надрывно кличет,
И тербит свой неживой букет.
Из-под платка — Медеино обличье.

Бездомные железные стада
По улицам ползут, и Лисистрата
(— «Чтоб на почин!.. Осенние сорта!..»)

Приваживает пастуха-солдата,
 Упрашивает что-нибудь купить.
 Солдат серьезен, зелен и беспечен:
 Торговка не собьет его с пути,
 Не соблазнив ничем, не обеспечит.
 — Отстань, еще навесит тумачков, —
 Под нос бормочет, губы каменеют.
 Насобирав по сумке медяков,
 Поспешно рассчитываюсь я с Медеей.
 Сомнителен их жанр, бессмыслен дар,
 Скромны крамнички, из которых платья.
 Что ж, если жалким кажется товар,
 Шагайте мимо и не покупайте,
 Но только не вменяйте им в вину...
 Торговки ль сухоцветом виноваты,
 Что этот, примеряющий войну —
 К лицу ли? — мир вишневый «коло хати»,
 в известке свежей новенький собор,
 вписавшийся в позор хрущоб с граффити,
 на скорое забвенье обречен.
 О, женщины! Вы прибылью такой
 (Букеты, сливы, яблоки «апорт»)
 Семью, бюджет, уклад не защитите,
 Но — в горле ком. Пути, касаясь туч,
 Сошлись на горизонте косо-криво,
 И предосенний, негорячий луч
 Мессией сходит в эту перспективу,
 Засахарен, запет, затерт до дыр,
 На рельсы опускается неловко,
 И я хочу скупить весь этот мир
 У бабушек с трамвайной остановки.
 10.2016

Магазин антиквариата в Наталии*, штат Техас

В городке Наталия мне знакома
 Лишь русалка в тельняшке — примета дома.
 Распускает вязанье в углу Пенелопа —
 Паучиха. Приезжих приводят стопы
 В магазин старья, где столы и блюда
 («Осторожно — порог, здесь прошу пригнуться»),
 И — вперёд, по дороге, мощёной пылью
 Чьих-то малозначительных меморабилий.

На фарфоре, как брэнд, — полукружье помады
 Какой-нибудь местной Шехерезады.
 Ностальгия по прошлому точит упрямо,
 Словно капли из вялотекущего крана,
 Довершает картину группа туристов,
 Рослых школьниц из города Корпус Кристи
 (По дороге в Даллас, миль примерно триста) —
 Напряженные лица, неловкие пальцы.
 Соблазнительно в городе потеряться,

На витрины Наталии заглядеться,
 На себя примеряя чужое детство,
 И проснуться промозглой техасской зимою,
 Под холодной рождественскою звездою.

07.2014

* Наталия (лат.) — рождество.

Островок

Здесь по городу бродят дикие петухи;
завалященький камень в британской короне
прекрасной,
островок зачерпывает ложку прибрежной ухи,
лихо смахивая с усов саргассы.
Вольно ж биться о пристань притихшей,
цепной волне! —
здесь суденышки названы «Храбый»,
«Решительный», «Гордый»;
а морские волки с тайкунами наравне
наполняют пиратским духом город.
Всех секретов секретнее, неба аквамарин
вниз стекает, по стенам домов, и вливается в море.
Леденцовость его сталактитов и сахарность крыш
с облаками пытаются спорить.
Остров четко двуцветен, не-таен, и грядки постель
расстилают для роз, для брюссельской капусты
и остролиста.
Вот, глядишь, здесь останусь,
акварель прикупив и постель:
не стихи ж, в самом деле, у пирса толкать туристам.

Замостили желанья набережную; на постой
попросились лодки и яхты, и прикорнули
под соленые всхлипы раковины пустой,
заглушившие напрочь головы моей улей.
01.2014

В ПОИСКАХ ОБЩЕГО ЯЗЫКА

Перечитывая Снайгера в свете луны

*Я уже много лет не задумывался,
Почему мы здесь.*

Г. Снайдер

Небо избыточно: Каждому по звезде,
Каждой сестре по Яблоку по Большому,
Но почему мы здесь,
почему мы здесь,
Для кого все шоу,

Я и не думаю.
Я и не спорю с.
Хлебные крошки
Рассеяны, как нарочно,
В черной икре с лимончиком
А ля рюс,
В черной игре
Нетемной нью-йоркской ночи.

03.2017

Перед бурей

Пятница в Централ-Парке
 Прогнозы опровергает:
 Солнце монеткой найденной
 Из-за деревьев сверкает.
 Уткам, обычным уткам
 Повезло здесь родиться,
 В т. н. Водной Консерватории
 Они — не последние ученицы.
 А мне повезло с выходным — о да!
 Среди осени, утром в пятницу
 Я люблюсь парусниками у пруда
 И платанами в заплатах реставраторских
 Сегодня день такой бело-синенький.
 Как мне понятны восторги
 Ступившей навстречу паруснику
 Двухлеточки кривоногой.
 Застывая, фотографирует
 Этот шаг дорогим мобильником
 Мама девочки, и невольно
 В то же время она фиксирует
 Осень, уток-консерваторок,
 Зону тихую непозирующую,
 [И с блокнотом брюнетку за сорок],
 И входящий на цыпочках город.
 Это — везение
 Тихой зоны.

10.2012

* * *

Я пишу вам из последней комнаты,
 на дверях которой крупно выписано от руки
 слово «Женщины» — поперек плаката,
 приглашающего на факультатив
 «Искусство после наступления темноты».
 Темнота наступила.
 Вода наступает. Искусство покидает посты.
 Последний свет излучая,
 телефоны, наши мобильные квазиплоты,
 быстро теряют контакты.
 Наберешь — и гудки, гудки.

Те, кто открыл в себе жабры,
 давно уплыли в ночь.
 Мир съезжился до размеров детского одеяла.
 Тут уже никому не помочь,
 а ведь еще час назад призывали нас,
 ругаясь и проклиная,
 умоляя не проплывать. Я и забыла,
 что бывает нужно так мало.
 Я и не знала, как нас мало осталось.
 Двадцать семь взрослых и всего одного ребенка,
 не насытившегося летом,
 еще удалось спасти, но это
 племя обречено.
 Я пишу при свете неведомо чего,
 я пишу светом.
 Листья в окне мелькают, как поезда.

Времена года распадаются на фрагменты.
Рок сюда врывается грубо, как медсестра,
раскладывая под металлическим светом
инструменты
среди краткого больничного сна.

Я пишу вам с последнего незатопленного островка,
с последней смены перед посадкой в шлюпку
без названия.

Родом из семьи, не верящей в Погоду,
я всплыла
в последнем прибежище, получившем бы звание
Убежища Года,
если б не отсутствие комитета,
онные премии присуждающего
оставшимся на плаву.

Вот уже сутки, как я живу
в доме Ветра,
где во все горло могу последнюю песенку
распевать,
пока хозяина нету дома.
Он работает над разрушением всего знакомого,
вырывает с корнем все, у чего
хотя бы предположительно есть память,
все, что старше, скажем, ста лет,
не позволяет впитываться слезам забвения,
текущим по снесенным городам,
туннелям, дорогам, домам и растениям,

выключает свет,
задувает недописанное стихотворение,
зали....вод
.....
.....
.....ореять

29 октября 2012 года, Park Slope Armory

Симбиоз

Я не ошиблась, сюда приехав:
Всего каких-нибудь четверть века,
и город привыкает ходить на поводке,
носить поноску, прижиматься к ноге,
подавать по команде лапу,
ластиться кроликом, выведенным в неволе,
наполнять мои шляпы, когда я позволю,
дрессированной змейкой сворачиваться в кулаке.

Он никогда не спутает меня с другими
и научился-таки проговаривать мое имя.
Он прислушивается ко мне внимательней,
чем я к нему,
раскрывается передо мной по-всякому,
но и я к нему привыкаю,
довольно беспечно скольжу по краю.
Это мое сердце краснеет на популярном плакате.
Каждое утро — в новом платье,
над кварталами его порхаю
на невидимом миру канате.
Сохранившая двоемирие нахалка,
озерком укладываюсь в центре парка.
Я готовлюсь к нему с утра,
как студент к экзамену —
он главным блюдом выносятся на знамени.
Я рекой протекаю в его каменном рукаве.
Добавляю свою капельку в коктейль кровей.

Он сопит и лижется жарко.
Это иллюзия, что я осталась такой же.
Зубы мои — шестеренками на поводковой коже.

В нашем цирке поводки из привязанностей
и привычек
удерживают каменных львов
и дрессированных бабочек.

03.2014

Таймс-сквер (Times Square)

В коммуналке, пугавшей меня до колик,
На стене в коридоре, за дверью «зала»
Милый мыш и тревожный, в манжетах, кролик
Проживали —
Переводилки, питомцы мои. Что я знала
О притонах города, где по соседству
Храм, вертеп и бурлеск? Но еще удивляют
То предательство сказок, продажность детства,
На которых зиждится Площадь.
Пошлость
Диктует вдохи и выдохи.
Новый стиль
Версатилен,
На глазах моих вымахал.

Среди Площади скачут прочие:
«Налетай! Селфи с эльфом!»
Налетают,
Мнут, щекочут,
Хватают под руки
Гейши, орки.
В общем мороке
Белый кроль поправляет усом аксессуары,
Полирует шест одинокая стриптизерша.

Микки Маус на площади
рядом с ягодично-спелыми девочками;
Микки Маус с обоев в детской сипит, простужен.
Чудный мой обитатель клетки, черный кролик,
Потенциальный ужин;
Бедный мой обитатель шляпы, белый кролик,
Опаздывающий вечно.

09.2015-09.2017

09/11/2001

Мертвые, по пятам за живыми.
 Мертвые пересекали мост —
 Из п. М в п. Б, как в школьной задачке.
 Толкали в спину,
 Забивались в глотки,
 Глаза разъедали.
 На Бруклинском мосту — толпами
 Живые и мертвые.
 БЕгом, шагом, взхлеб,
 Сглатывали
 Уже бессмысленные сумочки и галстуки.
 Живые выкашливали потом весь год
 Соседей, знакомых по станции метро,
 Бойфренда двоюродной сестры,
 Старикашку, продававшего газеты и жвачку,
 Брокера маминой подруги.
 Все они продолжали жить, претендовали
 На обшлага, брюки, пиджаки, оседали
 Бесконечной мучнистой пылью
 на огаде Тринити*.

Глядите: еще не ушли.

Я в тот день на мосту не была.
 Никого не вывела, за руку не взяла.
 Забывать сие не позволяет
 Выживания кабала.

Каждую ночь по телефону:
 «Как ты, сыночек?»
 И слышала:
 «Мам, знаешь,
 Черный снег в саду и на крыше не тает.
 Мам, слышишь,
 Весь наш класс их видел,
 Этих людей, что — в окна...
 Как они падали —
 Неужели думали, что они могут взлететь?»
 ...Школа закончена
 Поколением печальных детей,

Не убереженных от зла.

09.2011

* Церковь Троицы (*Trinity Church*) — церковь, расположенная в Нью-Йорке, на пересечении улиц Бродвей и Уолл-стрит.

Пять строчек, вылепленных из снега

Кто сказал, зимою не допросишься?
Тянется хвостом халата свет.
Кто-то белит раму — будут прописи.
Как флуоресцент, мерцает снег.
Город слеп.

01.2014

Бруклинский мост на фоне Статуи Свободы

На ванты наверчен розовый шарф заката.
Стоит Свобода в прозрачных бантах —
Франтиха, школьница, иностранка.

Пассажиры вагона,
В агонии застрявшего на мосту —
Яппи и хиппи, технари и придурки, —
Хватаются за телефоны,
Проклиная закатную красоту,
Ворочаясь в поднебесной люльке.

Всё им кажется, что опоздали, но они — успели!
Предвечернее шоу, конец недели.

Терпеливые потерпевшие окажутся не в убытке:
Растворяя лимонный рассвет в речном напитке,
Мост подрагивает на вытянутых нитках.

Вы поезжайте, а я еще полюбуюсь, пока
Мы со Свободой маемся в поисках общего языка.

03.2016

Бруклин. Тротуар в конце месяца

Чемоданы без замков, как беззубые старухи,
И обшарпанный комод знаменуют переезд,
Прочат внутренний разброд и грядущую разлуку...
Вывоз мусора — в четверг. Заблуждение невежд —
В том, что искоса глядят:

«Мусор бедных бесполезен»,

Снобов — что трактуют скарб

как ментальную разруху:

«Бедность, право же, порок».

Стыд пакетов непрозрачных

Означает торжество над богатых лицемерьем.

Пролетарии всех стран от ночных прохожих прячут

Гардеробчик с распродаж и коробки от печенья,

Свой хронический разброд

между жизнью и ученьем, —

То, что даже в их быту ничего уже не значит.

Прошлое глядит на нас. Мы ли в этом виноваты,

Что так жалок наш багаж, что его невзрачен вид.

Промякают коты свою лунную сонату,

Прежде чем соснуть улечься на продавленный

лавсит.

(Россыпью на тротуаре прошлое у ног лежит)

(Будущее за спиной притаилось виновато)

Тридцать первое, среда.

08.2012

* * *

В арабском Бруклине в час намаза,
В хасидском Бруклине в ночь субботы
Ничуть не кажется мне опасным
Бродить невиннейшим пешеходом.
В тревожном, сумрачном, грязноватом
Карибском Бруклине колют шины,
Под ребра вкалываются взгляды,
Коптят козлятину, горбя спины.
В латинском Бруклине среди сора
Шуршат штанами по тротуару.
Кастет и нож — диалог веселый,
И редкий мачо здесь встретит старость.
Прорежут днище районы-риффы?
Пойду мостом, до меня воспетым.
Над головою порхают рифмы,
Парят, зависнув, над парашетом.

03.2016

* * *

Выдуманный Мэд Хэттером,
Перестроенный прагматиками на корню,
Город, Манхэттен мой,
Выскачка, парвеню.
(Многозначительный в никуда портал.
Эстетика выщербленного рта.)

Не поддающийся логике,
Над решетками смог,
Фиговый лист, парус легонький.
С ним не всякий бы смог.
(Неофит не сразу поймет, поражен,
Как траур вечного сентября уживается с куражом.)

Окна вытаращив базедово,
Мордой в воду, по-песью лежит.
О чем тут беседовать,
Попробуй тут жить.
(Вытоптаный оппортунистами Даунтаун
Ежедневно заново зализывает раны.)

В магазинах осенняя обувь,
Процарапано небо лучами.
Должно быть, толкаясь у телескопов,
Какие-нибудь траппистяне
Подглядывают в дыру, считают исчезнувшие этажи:
«На вон той планете возможна жизнь...»

09.2017

НАБЕРИСЬ, ЕСЛИ МОЖЕШЬ, ДРУГОГО ОПЫТА...

* * *

Как изюминки из кекса,
я выковыриваю из людей
самое вкусное, безуминку.
Гора на тарелке.

10.2016

Колыбельная для левой руки

Ты уснула в траве, в безмятежности летнего утра.
Полчаса до жары и пол-дюйма пониже локтя —
Не будить же теперь. Я тебя покачаю, как будто
Ты — ребенок, последняя, лучшая кукла моя.

Спи, забудь обо мне, боль тебя никогда не отыщет.
Боль осталась со мной и меня охраняет от снов,
И ползет муравей по протоптанной

линии жизни —

Темной тропочке, ниточке среди ладонных бугров.

Ты досталась в наследство
от бабушки-пуэртикеньки
Вместе с тонкой мантильей,
забытою где-то — и пусть!

Спи, ненужная, пухлая, в летней зеленой постели.
Хорошо, что не правая. Я без тебя обойдусь.

Спи, невинность, нежнейшая чаша
старинной работы.
Ни испить из тебя, ни к губам приложить —
не успеть.

Спи, ненайденная, на обочине в Южной Дакоте
(И, заплакав о ней, побеждаю гордыню и смерть).

12.2015

На диване, среди цветов

I. Диван

Мамины гости приходят часто,
по воскресеньям остаются на ночь.
Вот — один совсем задержался,
и теперь я — не в спальне, а на диване.

Он неплох для жизни, сказала мама.
Он теперь забирает меня из школы,
но рука выскальзывает упрямо
из ладони настойчивой и веселой,
потому что дома, под телевизор,
он играет со мною тошно и странно.
Хорошо, что пятна стираются быстро
со слоновьего тела диванного
(убирай быстрее, чтоб не видела мама).
Хорошо, что темнеет зимою рано.
А душа собирает пожитки, точно.
Хорошо, что она не нужна мне более,
как и свет, как и вкус, как и чувство боли,
а из звуков мне нужен лишь щелк замочный,
означающий — вернулась с работы
и начнет ругать за несделанные уроки.

Разноцветные пятна под телевизор
хорошо что душа собирает пожитки
и парит в такой высоте бесплотной
где нет тела покрытого страхом жидким
где никто не давится клейкой рвотой
не зовут никого врунишкой противным
и глядит душа с высоты с улыбкой
на фигурку прилепленную криво
к дивана удушливому дерматину.

На чужую спичечную фигурку.

II. Цветы

Я ненавижу гортензий удушье,
хрупкие лилии, томные розы,
флоксы, нарциссы, герберы. Я лучше
вам расскажу об одном цветочном
шикарном, изысканном магазине.
Стынут вазы картинно в зеркальной витрине,
букеты прельщают своим изобильем.
Я работала там, komponуя корзины:
композиции к свадьбе, помолвке, рождению.
Зачарованный танец змеиных движений.

Магазин, где рифмуется с пальцами запах:
он врывается в память, похлеще пощечин.
Возникает хозяин, змеиные пальцы,
по-хозяйски ощупывающие между прочим.
Я работала в магазине все лето,
кролик, сворачивающий букеты.

Я была его ежедневным десертом.
Он, бывало, звал меня неблагодарной.

Если б я рассказала отцу и братьям,
они бы в труху раскрошили парня,
потому что за честь семьи в ответе.
Но бывают узы покрепче на свете —
мужская так называемая солидарность.
Я была, очевидно, сама виновата,
выбирая такие короткие платья.
Я ненавижу цветочный запах.

04.2013

Золушка из Сан-Хуана

Правдивая история

Дорога в школу всегда одна:
В гору, под гору, потом по прямой.
Если долго пылить по горячим буграм,
А потом — по обочине, теплой травой,
Можно к восьми оказаться там.

Люди в школе внимательны и добры,
Есть настоящий, с бачком, унитаз.
Успевает прийти до жары как раз.
Это путь обратно встает на дыбы
И красным доплескивается до глаз.

В школе дают иногда молоко,
Чаще — Кул-Эйд, дар материка,
Но стоИт до обеда шершавый ком
Из пыли и рвоты чуть выше пупка.
...Это — мелочь, она ведь уже в выпускном.

Не подумайте, школьные дни не легки.
В школе так скушно, что серый паук
Над входом повесился от тоски,
Но она не ропщет: читает вслух,
Отвечает с места и у доски.

Пуэрторикенья, лохматый взрыв
Из далекой деревни, ничье дитя,
Под столом ступни, все в мозолях, скрыв,
Восьмилетку заканчивает шутя —
Образованней всех родных!

НАБЕРИСЬ, ЕСЛИ МОЖЕШЬ, ДРУГОГО ОПЫТА...

Но когда объявлен бал выпускной,
То зачем ей в путь — чтобы вызвать смех?
Босоножкой в зал? Говорит с сестрой
(Там в семье — ботинки, одни на всех),
Но сестре ботинки нужны самой.

«Просто вымой волосы прямо там,
Что угодно дала бы за туфли, но
Туфель нет, а вот платье — свое отдам.
Всех нарядней, requena*,
ты все равно,» —
И помадой притрагивается к губам.

Ей учитель-гринго в конце концов
В газете ботинки тайком принесет.
Вон как жарко пляшет — горит лицо.
Эта сальса многих еще спасет
На прогресс надеющихся птенцов.

Пятидесятые. Сан-Хуан.
Пина колады хмельные шаги.
Страна претворяет с усердием план,
Обещающий Золушкам башмаки...
Жаль, что не вернулась туда никогда.
«Мисс Cenicienta**! Довольно, домой пора,» —
Старуху зовет сестра.

02.2014

* Requena — маленькая

** Cenicienta — Золушка

Парижанка (спойлер)

Где-то радуги строятся как мосты,
Где-то есть места, где любить легко,
А в Париже капают с высоты
Звезды в теплое молоко
Для кота и сына, звенит звонок —
Это таймер следит за крутым яйцом,
И займись ли нынче седым виском
И парижским своим лицом.

Есть места — рождаются в глубине
Звуки, краски, чувства — сума полна.
А в Париже дышится, как в тюрьме,
И дома семят с холма.

У кого-то где-то единство душ,
И вокруг друзья как одна семья,
И роман бурлит... а в Париже муж
Перевязывает гуся
Перед боем рождественского стола —
Патронташ напяливает с торжеством
Из лимонной цедры. Из-за стекла
Тихо пялится Рождество —
Белизны белей, новизны новей...
На Монмартре пьяный свалился в люк,
А у женщины с Елисейских полей
Распашонку прожег утюг.

А Париж устал от интриг и драм,
Букинистов, барок, оконных рам.
Подтвердит вам это любой клошар:
Он раздут, как воздушный шар.
Хохотать и петь, волосА до плеч,
Тимбукту, Пекин, Йокогама, Керчь.
Замесить Париж, раскатать и печь,
До румяного хруста печь.

а в парижском небе парит белье
а в париже в рыжей загарке гусь
а в париже мокнет в тазу звезда
а с парижа списывается сюжет
а париж выходит захлопнув дверь
как любовник за молоком

09.2015

* * *

Женщина моет седое надгробье,
Выплеснув воду, сидит на подворье,
Курит, с ладоней смывает микробов.
Чудное кладбище, с видом на море.

Женщина ходит сюда по привычке
И полюбила свои выходные.
Дочиста вымыты буквы, кавычки,
Дата рождения (сороковые),
девичий профиль, омела, цитата
(строчка из классика, строгие рифмы).
Смерти пока не проставлена дата,
Но, безусловно, и здесь будут цифры.

По воскресеньям в замызганных ботах
Тихо парит над тропинкой недлинной
Внучка ундин, незамужняя тетка,
Добрая фея кладбищенской глины.

Ветра порыв, и пропали усилья:
Листья и палки из ближней аллеи —
Только предвестники завтрашней пыли.
Вовсе не больно, себя не жалея,
Местного скульптора стать Галатеей,
Ветер раскачивать вправо и влево,
Тайно гордиться своею затеей.
Девочка, дурочка, старая дева.

03.2015

Бабушки на площади*

Воскресеньями — перед старой мэрией у фонтана,
где девчонки в ярких, по моде, платьях
назначают свиданья, пыль отряхивая неустанно
водяную, где парочки длят объятья,
где жуют, смеются, снимают фильмы,
где детей окликают: «Miro, miro**!» —
путеводитель туристы пасьянсом раскладывают,
а рядом — бабушки внуков ненайденных,
детей родителей, убитых в «грязной»
войне — как интересно названа:
да разве бывают чистые войны?
Как будто детей схоронить не довольно,
они потеряли еще и внуков,
закаленные бабушки, в первых морщинках руки.
На что надеются, о чем спрашивают
у южного ветра
женщины, проклятые за нарушение
древнего завета —
не пускать сыновей на войну, не выпускать из дома
выросших дочерей, не говорить с незнакомыми,
пеленать потуже — собственноручно! — внуков,

* *Abuelas de Plaza de Mayo* — группа аргентинских женщин, чьи дети исчезли в ходе т.н. «грязной войны» (с 1976 по 1983 г.), до сих пор разыскивает внуков — детей, похищенных или арестованных вместе со своими родителями, или родившихся у беременных заключенных. К 2011 году, благодаря их усилиям, 101 человек нашёл свою семью.

** *Miro* (исп.) — смотри.

передавать свой страх детям, как высшую науку,
как прививку против черного тумана.
... Вся страна их знает как «бабушек у фонтана».

Неслыханно, нелепо — бабушек движенье.
Кем-то ненавидимы, кому-то неудобны,
Бабушки — как движущиеся мишени.
Одновременно соринки и бревна.
Если подписывал кто-то молчанья контракт,
он давно должен быть расторгнут.
Негативы, лица где-то выросших ребят
проступают в их любви растворе.

Бабушки детей, убиенных в чреве,
розданных, как призы за отличное поведение,
проданных, как помет полукровок — псов,
детей, от которых — ни голосов,
ни локонов, выросших на чужбине...
Детей, сотканных из тишины, зародышей,
не распрявивших спИны,
Детей, сплетенных из двойной спирали.
Фонтан одевает их в траурные вуали,
серебрит волосы накидками водяными —
Абуелиты*, бабулочки, еще молодые,
сражаются с забвением,
руками раскапывают могилы.
... перед мэрией неутомимо
бьется ниточным пульсом фонтан старинный.

10.2013

Покровительница неродившихся детей

Джизо дремлет, ведь утро — это будущий вечер.
Джизо устала — как путник, что не отдыхает,
Как хворый, что, маясь, не умирает.
Три или четыре матери прибирают, зажигают свечи,
Садятся у ног ее. Как минимум две
говорят тихонько.
Джизо слушает всех, даже тех, кто сюда не добрался.
На животике толстом сплетает пальцы.
Джизо слушает. Ей не больно. Не горько.

— Если б я тебя родила, это было б во время потопа.
Взбеленилась земля тогда, ветер яростно хлопал
По речной волне, и она наступала, и взрывала,
Топила, выкорчевывала, стреляла

Током. Я бы осталась в домишке в низине,
ото всех отрезанная, в водах внешних и внутренних
И спасатели нашли бы нас через трое суток.
Ты, если не захлебнулся б,
то запутался в пуповине.

— Если б я родила тебя, это было бы в поле.
Через десять месяцев лунных был бы
сбор винограда:
В сентябре направляли. Дети и взрослые рядом,
Мы в вагончиках жили. Я работала в школе,
И нельзя укрыться от чьих-то взглядов,
А пожаловаться или врача спросить — тем более.

* Abuelas (исп.) — бабушки.

— Если б я родила, ты бы был у нас пятым лишним
В этой комнате, десять квадратных метров.
Твой отец прижимался ко мне незаметно,
Когда наконец засыпали детишки...
Джизо слушает. Пламя свечей раздувается ветром,
Словно траурный снег, опадает белое с вишни.

Вы, аборт и выкидыши, мертворожденные,
избегавшие
Боли, грязи, тоски, неисполненного, мучительного,
Мамы ваши на приеме у бодхисаттвы
незначительной.

Голосов так много, что они осязаемы даже:

— Ты, малыш, наверху теперь? Молилась украдкой,
Боль желтком в животе разливалась ярко
И кричала пронзительно санитарка,
По ногам заматавая больничной тряпкой:
«Что, как трахалась, было немного?»
В этот день отдавала тебя добровольно
Я, Маруся Петрова из города Ровно...

Джизо, японская Мона Лиза, глядя вдаль,
улыбается ровно.

Мне — и прочим, глядящим снизу, —
Не понять эту высшую несправедливость:
Почему доставалось не там, где просилось,
Почему они — в детсаду у Джизо.
...Поставлю к ногам фигурку, вполне во вкусе ее,
За своих неродившихся — и за Марусино.

03.2013

Ипохондрия

Всё у них отлажено, расписано поэтапно.
Фурнитура лежит на полках, на каждом стуле.
И пока Миранда к полям пришивает тулью,
Джеральдина на манекен надевает шляпу.
Джеральдина, жердочка к жердочке, дева сухая
И толстоногая, обстоятельная Миранда
Шляпки шьют в холода у окна,
а в жару — на веранде.
«Вот умру...», — говорит Джеральдина, не умирая.

«Заколело в боку, я прилягу,» —
пищит Джеральдина.
Вечно ищет предлог, чтоб закончить работу первой.
У Миранды нрав, у Миранды сплошные нервы.
Обернувшись к сестрице — тигрицей? —
скорее, льдиной,

Сообщает ей, что колит не приводит к смерти,
Что, чем дразнить косую, сходила б купила ниток.
Но однажды уйдет к себе ипохондрик-нытик
И к утру повесится в тесном ватерклозете.

Не оставив записки, уйдет непонятно и кратко,
Лишь прикроет лицо и грудь кружевным
обрезком,
Чтоб не резко вскричала Миранда, найдя,
чтоб не резко
Обрывалась вечная их перепалка.

На веранду тени протягивают лапы.
Ей бы только отлынивать!

 Что ты молчишь, невротичка?..
Так Миранда с ней вслух деспоривает
 по привычке,
Но потом спохватывается и сама дошивает
 шляпу.

02.2017

На языке Женевьевы

Лучший военный трофей моего отца —
это моя мать,
ужасный дар
Нормандии, полевая невеста,
женщина, которую никто у нас
 не научился понимать.
Речные пороги ее языка,
его прозрачное журчанье, его ажурное макраме
казались так неуместны на отцовской ферме,
одной из тех, которыми славится Техас,
и она замолчала.
В молчанье зачала,
молча родила нас.
Молчание было как завернутый в вату
 елочный шар,
шорох трав, доносящийся издалека.
Молчанье отца мне казалось иным,
тяжелым, как его рука.
Еще — она всегда ждала почтальона.
Глаза скользили поверх циркулярных реклам.
Маме
иногда приходили
картонки с черной каймой
в марках заморских стран.
Я, старшая, не помню, когда
я впервые услышала слова —
когда жеребенок в лицо по ошибке ткнулся губой?

Ко мне не раз обращались свиньи,
откармливаемые мной,
отец пару раз окликнул,
да однажды приехал на джипе сосед.
Кто помнит, заговорила ли я
в то утро, когда желтый автобус, пыля,
подвез к зданию с мутными стеклами,
где я научилась просиживать по полдня.
Пол-жизни потом дразнили
за сильный французский акцент.
Я никогда
не заговорю, как кокни,
или как ведущая в теленовостях,
так глубоко язык моей матери пророс в меня.

01.2013

Маша

«Маша, ну наконец-то. Маша, воды подашь мне?» —
По серой сырой подушке разметаны прядки седые.
Полулегальная Маша — никакая, конечно, не Маша,
Но старухам ни в жизнь не выучить Машино имя.

«Маша, опять пролила, я же вижу.
Какой от тебя раскордаш.
В собственном доме такую грязюку
разводишь едва ли.»

Маша, ломкая, как цанговый карандаш,
Разве что спать успевает в дешевом своем пенале,

Привычно листая короткие, скучные, злые сны.
Маше везет на чужбине с работой. Какой там ропот!
Маше порою кажется, что тюрьма ее — хуже сумы,
Но потом вспоминает товарок печальный опыт.

Маша должна экономить и все отсылать братишкам.
Утром бесплатным чаем греется

в отделении банка.
День у Любви Мироновны тягостен,
но не слишком.

Хоть и зовет она Машу чучмечкой, китайкой,
хабалкой,

Маша видала дела пожарче. Кстати, назвали Машу
В честь знаменитой в далеком прошлом
сборщицы хлопка.

Снова карга лежащая палкой призывно машет.
«Я к вам сиделкой устроилась, не холопкой».

«...и подмести забыла. И не подашь умыванье.
Время тянешь. И так полчаса задолжала мне
с позавчера.

Маша, ты б русский-то подучила».
Маша резко встает с дивана:
«Предупреждала вас,
мне требуются свободные вечера».

«Не понимаю ни слова». Но именно в этом месте
Песня меняется: «Ты же знаешь,
зимой мне страшно одной оставаться.»
Маша, карге неподвластная на эту минуту мести,
Ежедневно следит с порога,
как наивно старуха ластится.

«Чтоб ты сдохла, Маша,» —
старуха заходится в плаче.

Покрасневшие птичьи веки
затягивают ярость Машиных глаз.
Выдыхает в дверях, спокойная, как доктор
или палач:

«Чтоб вы сдохли, Любовь Мироновна!» —
без акцента на этот раз.

За рюмкой подруга вечером: «Все так пашут.
Уехать домой, все бросив — да что ты, что ты?!»
Бабка-крендель в четверг умирает. Рыдает Маша:
Жаль мучительницу, да и как теперь без работы?

05.2015

Из дорожных откровений

...А я — путешественница.
Пять часов строго на юг, где острова
открываются взору — а дальше бессильны слова.
Можно в аренду взять последний уцелевший фрегат.
Отсидевший на материке
(и за то уважаемый здесь) пират
Мне покажет лагуну по пиратской-таки цене.

Здесь рассвет распевается: «ми-ма-мо».
Волны пахнут санблоком и колбасой.
Пес, песочная морда, учиняет чайкам разнос.
Роскошь яхт проплывающих предсказуема
чуть не до слез.
Так — пока закат не затупит карандаши,
а пейзаж не потонет во сне.

Поновей чего хочется? — семь часов лета
через океан на восток.
Предварительно вытряхну из чемодана песок,
возведенный в титул пылинок далеких стран,
И — на площадь, по которой Ганс,
разумеется, Христиан,
(Двусторонние флюсы, запущенный гайморит,
Официант из знакомой кафешки, завидев его,
раскрывает плед)
Шагает в театр, или перепарковывает велосипед

С Королевской на Ратушную,
по соседству с визгами из Тиволи
И обильной аромой дешевой еды,
В снежной взвеси среди цилиндров седых,
Где араб в ушанке по-датски со мной говорит.

Что угодно, только бы не домашний обстрел.
Как угодно, только не видеть, как мир постарел.
Где угодно, только не наедине.

12.2013

Праведница мира

Подлинная история

Среди деревни стоит как живая,
Круглый живот закрывая руками,
Ласковым облачком Дева Мария —
Полая юбочка, крашеный камень.
Раньше здесь вечно орали и ели,
Парочки пальцы сплетали на лавочках,
Сплетницы медлили по воскресеньям,
В праздники ставили тир с каруселью —
Лошади плыли, качались лодочки:
Детское — детям, а Богу Богово.
Что же прибиться сюда заставило?
Площадь базарная — самое логово,
Немцы за ставнями.
Здесь для острастки по осени вешали.
...С тенью срастается, чтоб не узнали,
Чей-то ребенок, последний Иешуа,
Сын без родителей в маминой шали.
Младший, несмелый, от бури хранимый,
Карие капли прикрыты ресницами.
Как тебя... тетенька... Дева Мария!
Где мне укрыться?
Слышал, соседка-полячка божилась,
Нет милосердной тебя и порядочней.
Ты ведь заступница, Дева Мария? —
Спрячь меня в складочках.
За уши локоны, губы сухие,
Хлебушек в наволочке.

Длинная мантия Девы Марии
Беременна мальчиком.
Камень не выдаст! — он сразу поверил ей,
Тоненький крестик прижился на шее.
...Девы Марии священного дерева
Нет в Яд ва-Шеме.

Внукам наскучила версия деда,
Старого мальчика сказка седая,
Как польский еврей с палестинскою девой
Войну зимовали, друг друга спасая.
Но, не потеряны, где-то стоят они.
Будем надеяться, в вечность не канут,
В памяти внуков надежно упрятаны,
Оба из камня.

05.2016

На десятый день

За окном — ни души, камыши да болото,
В доме сыростью пахнет и мышиным пометом.
Целый день босиком ходит ветер по крыше,
Муж, как в детском стишке, притаился повыше,
В тихой пристани с приступом, с легким испугом.
Мир давно состоит из отдельных звуков.

Девять дней телефон не тревожит Арину.
Аринины страхи непостижимы.
Слабо стонет, прерывисто, тихо вздыхает,
Четки событий перебирая:
Как проталкивала нитроглицериновую округлость
Сквозь шершавые губы да пальцем за зубы.
А до этого шарила долго под ваткой
Третьей слева бутылочки и девятку
Набирала, нащупывала единицы.
Как пришли и забрали, сказав «в больницу».

Ночью спрашивала, бывало,
уткнувшись в теплую темноту:
«Скажи, ты еще любишь меня, ты лю...»

И знакомый до трещинки голос: «Спи, поздно».
Удивительно то, что так высох воздух.
Муж, предавший ее доброволец — Вергилий,
Всё, бывало, зимой расставлял по квартире
Банки с водой под батареями.

Арина страхам своим не верит,
Надоевшую, нехитрую арифметику,
Чтоб не сбиться со счета,

про себя проговаривает:

Пятый год, как свет перестал просачиваться,
Две недели, как мужа умчали с сиренами,
Девять дней, как свалилось с усохшего

безымянного

Обручальное, затерявшееся окончательно.

11.2014

СНЫ ИНТЕРПРЕТИРУЮТСЯ МОЕЙ НАУКОЙ...

* * *

снится ступням сухая колючесть иголок

сосновых —

значит, не ждите ни к ужину, ни к обеду

снится запах горячей резины — в Москву поеду

снится уху шепот — но не будет новых

губ; сон о морщинах пугает руки

снится тяжесть ребенка коленям —

когда же внуки

сны интерпретируются моей наукой

07.2013

Словарь умной Эльзы

Понемногу шаманишь,
 словам расправляешь перышки.
Скажешь «погреб», разделишь баночки поровну,
И — шагай по замшелым и склизким ступеням
В царство сливок,
 закруток, стущенки, пельменей.

Разве что яблочек молодильных
Нет в доисторическом холодильнике.
Ежедневное упражнение в равновесии,
Ритуал на три дачных месяца.

Разыграем сонату в четыре ноги,
От жары укрывая вареники,
В темный холод спускаясь нетающий.
Две сестренки, погодки, лентяюшки.

Каждый день за сестрой по ступеням вниз.
Две груженные лодки в зернистую слизь
Погружаются. Шаг — и мгновенно ослеп.
Учишь новое, клацающее слово, «склеп».
Будет дверь упустившая, близким не нужная
Похоронена заживо... может, до ужина?

Но сестру мою хватятся, мне ли не знать.
Им веселой певуньи должно не хватать.
Ах, любите зарядку, не ждите пользы.
Я ж — подземная рыба. Я — умная Эльза.

Каждый день за сестрой по ступеням следом
На дрожачих, за продуктами перед обедом,
Я схожу в преисподнюю; к ней вплотную
подхожу; вот коленкой толкну и...
Персональный бес мой выхрюкивает слово «грех»
Под ее беззаботный смех.

06.2017

Новая Одиссея

I

Войну сворачивают.
 Герой мечтает
 О ванне, горячем ужине,
 О лёгкой дороге домой
 В первой же попутке-лодке.
 В руинах всё, что хоть какой-то смысл имело
 Разрушить — не оставить же врагу.
 Хоть враг сейчас принижен до гуся,
 Голодного мальчишки, попрошаек
 Всех мастей, из разрозненных
 Колод.
 И воздух вражеский так холоден, так тонок —
 Стреляется легко,
 Несётся звук.
 Герой, конечно, вовсе не маньяк,
 А исполнявший долг —
 Когда державе
 Успел он эти смерти задолжать?
 Война, по сути, не ведётся
 Из-за Елен, гражданских прав, свободы.
 Война стоит, как в горле ком,
 как Геркулесов столп,
 Как памятник последнему пределу.
 Победив и завершив войну,
 Герой становится
 Простым гусеубийцей.

II

Чтобы ты не грузился прогнозом неистовым,
 О тебе позаботился бог твой рассеянный:
 «Ты не знал? — отменяются шлюпки по осени», —
 И сиди, наслаждайся цирцеевым островом.
 Одиссеи с проседью ежатся у бассейна,
 Вспоминают, как нежались в море под грозами,
 А Цирцея ликует, считая курортников,
 Крики «опа» приветствуют спинакопиту.
 Наберись, если можешь, другого опыта.
 Хороши здесь свиньи, на ярко-синем розовое.
 Испishi хоть весь берег своими вопросами, —
 Накатила волна и стерла.
 Доведет до крика или до подвига
 Это стадное чувство культурного отдыха.
 Тень ножа приплясывает у горла.

— За любые деньги до Итаки!

— Нет желания.

Невезение — лоцманы пьют в заведениях,
 А песок покачивает задарма, но
 Никуда не едет; лежит в развалинах
 Твой песочный дом, и очаг потерянный
 Черной струйкой сыплется из кармана.

III

Одиссей-007, комфорт — это твой просчет.
По условным усам протекает на юг
гипотетический мед.
Море играет фелукой раздобанной,
как мышью ледащий кот,
и желание быть где-нибудь еще
на песок опускает лохматую голову.

IV

Всё–таки боги любили его, все до единого:
не пустили домой прямо так,
прокопчённо–циничным,
с фантомной болью ночами,
с картинами боя в фигурной рамке сна,
с вечным привкусом гари.
Он действительно отслужил,
заслужил прибытие к любви
(заЖил и заЖил?).
Ампутированные чувства, конечно же,
не отрастают, но
по крайней мере первая его ночь была не с той,
которая ждала
другого Одиссея, прежнего жадногубого весельчака.
Ему повезло больше, чем обезумевшему Аяксу,
пытающемуся убить в себе убийства —
самоубийством.
Дорога Одиссея к дому —
Посттравматический шок.

2015-2017

Работница табачной фабрики

Моргает телефон
Нулями, как глазами.
Давненько «боль» и «стон»
В стихи не пролезали!
Картонною Кармен,
Обузой немилрой,
Я поднимусь с колен.
Любви моей обмылок
Стал серою, чужой,
Растрепанною пеной.
Последний рыцарь мой —
Точь-в-точь, как рыцарь первый.
Но отличать предмет
Пора от упаковки.
Страдать резона нет.
Кармен глядит с коробки,
В глазах — немой вопрос...
Больней любой болезни
Твой SMS, как SOS:
«Спаси меня — исчезни.
Не можешь сгнуть — стань
Резьбою на панели»...
От драм своих устав,
Пойму ли, в самом деле,
Что ты меня не звал,
Что нам встречаться поздно,
Что бедствия сигнал
Был по ошибке послан...

Конец совсем неплох:
Стареть мне, не иначе,
Работницей простой
На фабрике табачной.

04.2013

Учительский сынок

Психопат притаился в душе,
На меня поднимает нож.
«Заходи, ничего не слушай!..»
Ненавижу вечерний душ.
Вверх скорей по ступеням шатким,
В безопасность, под абажур.
Темной лестничною площадкой
Сверху щерится Страх De Jour.
По стене проплывают знаки,
С ними я до утра борюсь.
Кукла новая — прямо Чаки.*
Я и куклу теперь боюсь.
Образцовый и тихий отпрыск
Образцовой семьи моей,
Плезантвилля далекий отблеск
В нашем городе без затей.
Я такую страну открою,
Где никто меня не найдет.
Если стыка коснусь ногою,
Папа точно от нас уйдет.
Ненаучен и непроверен,
Страх — под ноги чужим котом.
Снится, я открываю двери,
Но не видит меня никто...
"Auto Theft"*** подарили брату,
А не мне — там фонтаном кровь.

* Chuckie — «The Child's Play» (монстр),
Freddie — Freddie Kruger, «Nightmare on Elm Street» (убийца)

** «Grand Theft Auto» — видеоигра 90-х, известная сцена-
ми насилия

Он играет весь день — вот так-то! —
Но не даст мне второй контроль.
Тренирую себя упрямо,
По ночам выключаю свет.
Но кого так боится мама,
Если Фредди и Чаки нет?
Все же понял, что смерть — условна,
Не найдет меня до поры.
Я пока — невидимка, словно
Персонаж из моей игры:
О других говорят с экрана,
От других в восхищеньи мать...
Я не знаю, каким я стану,
Если я научусь стрелять.

14 декабря 2012

Поэма гетских страхов

Трещины между плитами.
Только б не наступить.
Не наступлю,
и мама с папой будут жить вечно.
Я до сих пор вскакиваю
в холодном поту ночью
и даже однажды днем
в голос заорала.
Неужель сирота?
Нет, на краю удержалась.

Только б не замочить
ног.

Только бы та нора
не оказалось дырой,
туннелем, ведущим к центру
Земли. В луже тает болото,
в зеркале — пустота
или монстр выглядывает из
моих собственных глаз.
Я или страшна,
или меня просто нету.

Вот — самое страшное:
оставленной быть в лесу.
Нормальный страх городского ребенка.
Крошек не было изначально
в местности незнакомой.

С сердцем, вырванным ведьмою, на весу,
я до сих пор
добираюсь к дому.

Как это, как
я еще живу?
Как миллионы детей
не поддались соблазну
расковырять глазок в неведомое,
перешагнуть черту,
шагнуть в воронку —
и кончить все это разом?

05.2012

Две сказочки

I

Старуха жила на краю деревни,
на белом поле в виду оврага,
свое пристанище берендеево
обезопасив ценной бумагой.
Может, пустошь, а может, пустынь.
Старела достойно: сажала капусту,
читала Пруста (дань забытой моде),
и буквы еще на трубе сидели,
но все чаще скатывались по громоотводу.
И еще жужжал интернет у печки,
и зарубки-колечки цвели на пальцах:
расцветала роза родокрозита,
из глубин опала глядели лица.
Заложив багряной лентой страницу,
она СМС-ки с утра проверяла —
от других старух боевые сводки.
И другие старухи еще держались.
Так и зимовала в деревне белой,
где всего-то бед, что в ночи без лени
грызло крышу дружно семейство белок,
и всего-то страху, что дом по снегу
в направленьи оврага делал шажочки,
пилигрим варикозный, в пупырышках ноги.
На нелепых старушечьих синих ножках.

Нет, наверно, бывало гораздо хуже
в дни, когда вьюжит и сносит крышу,
но с тенденцией домика перемещаться
стала что-то старуха окна бояться:
вдруг за ним поутру — ледяная пустыня
или чужой оазис с рассветом
возникнет?.. Старуха в постели стынет,
дом дрейфует, подталкиваемый ветром.
Ей важно понять механизм забвенья.
Настроенью послушна, молчит природа,
словно каменный лев, спит, на лапах морда.
Старуха колет лед для мартини,
в щель проруби опускает пальчик.
Rigor mortis выигрывает в три хода.
Прогон — беспмятство — был ли мальчик.

06.2013

II

Крупинки космоса кристаллизованы на изгибах,
Упложенная возрастом и тоннажем,
Однажды мой взгляд поймала рыба
Из подвала океана многоэтажного,
Лежавшая грузиком на базарных весах —
Бледногубой, голодной, голой.

Такая уставшая, что для того, чтоб ее описать,
Никогда уже не понадобятся глаголы,
Дышащая пока еще нитевидно,
Скользкая, как оговорка по Фрейду,
Рыба ждала от меня, очевидно,
Какого-нибудь вопроса или ответа.
— «Говори же!» — одними глазами сигнал.
Рыба пропитана, просолена нелюбовью.
Она столько раз была спасена.
Что ей мрак желаний и анхедонии.
Мне бы молвить слово — но спрос другой
С выпотрошенной и безголовой.
Сердце вылетает серебристой трухой,
Чешуей из-под ножа рыболова.
В бородавках седых, детский сад эволюции.
Через сто садков даже смерть примелькается.
Но — поймет ли? Сумею ль башкой уткнуться
В годовые кольца чужого кальция?
Жительница струи, практически, вечной,
Глубже, чем подсознание любое...

Села в трамвай, доехала до конечной
и молча выпустила в голубое.

08.2014

Конец Рапунцель

По ночам вставала наощупь к окошку,
чтоб следить, как стремится звезда
заискриться, ныряя, в моих хороших,
в волосах моих, волосах.
С утра вычёсывала, высвобождала
случайно вплетённые сны.
По стенам башни к подножью стекало
жидкое пламя косы,
что, рыбача, забрасывала в неведомое
с непонятно какою целью,
и служили волосы одновременно
неводом и якорной цепью.
Озарялись деревни окрестные
моей гордостью, пряди пламенели.
Когда же вечер клубком разматывался
над местностью,
волосы рыцарем беременели.
Я себе лгала, что отец мой несчастный
не отпустит, что меня нипочём не выцыганить
у него, и менялись рыцари часто:
вниз с косы — и в лес. Но разве дело в рыцарях!
Любовалась, не глядя, поскольку знала я,
что ослепнуть впору от этого блеска.
Подносили служанки к ним воду талую,
и вода отражалась в них с тихим плеском.
Вечеру покрывали меня, и подушку,
и не знала, что утро наступит,
когда я увижу на ней, обернувшись,
из золота тихие струны,

что ещё качнется цветком прекрасным
голова моя, странно легка, но
проступает уже под руном бесстрастно
нагота моя белой каллой.

Я, разбив зеркала, в моей башне тесной
погасила свет, извела расчески,
и теперь, заслышав любовную песню,
не спешу спускать утомлённые косы,
только дни напролёт все считаю капли
в обмелевшей моей реке.
Дни и ночи сплелись паляницей, канули —
хвост мышинный в моём кулаке.
Всё, что было когда-то мною,
выпадает, за горстью горсть.
Урожай наполняет подолы —
пустоцветные листья волос.
Неприкрытым, облученным семечком —
на заклятие сна. Спят глаза,
а душа заходится в плаче вечном
по волосам моим, волосам.

05.2013

Жизнь Кашея

Мир, когда-то безбрежный и пьяный,
умещается золотой рыбкой в стакане,
а стакан — на столике прикроватном,
в дни здоровья — сигарно-кофейном,
в ностальгических пятнах

былых излишеств. Обратной
дороги утерян след,
но не буду об этом. Из-под двери свет —
растаявшим сливочным маслом,
Ван Гоговским полем, сырковой массой,
шивой, последней облаткой, мессой,
недосягаемым лезвием в пироге бытия —
обещает задверный, забытый рай
гостиной, или что там у них, живущих.
Пить не хочется, но эти чашка, кружка,
стакан пришивают ко мне, как... ну да, игла.
Жизнь — как нитка. Жена моя молода,
Что ей стоит, вдове на выданье, мне
отереть смертный пот, пожалеть вдвойне —
за сегодня и за непришедший день.
Все сервизы последней жажды не утолят:
Напиться воздухом нового дня.

07.2014

Нырятьщик

посмотри, я научился нырять, говорит он.
я ныряю, не закрывая глаз.
я специально пришел к твоему водоему,
чтобы поделиться этим новым
для меня умением.

сейчас,
терпение.
человек в шляпе и пальто,
галстук завязан наверняка под твердым
воротничком,
нарядился по неизвестному мне поводу.
солдатиком опускается под воду,
нет — скорее, тонет, как чугунная свая.
нет, смотри, он всплывает, всплывает!
что-то умирает там, под водой.

Что-то распускается, как анемона.
я узнаю об этом, если он вынырнет.
обновлённым.

08.2013

КАК Я СТАЛА ВЗРОСЛОЙ

Ревмокардит

Я коллекционер, у меня много всего.
Я разбираю часы, вручную кручу колесики.
Фотографии артистов разыгрывают сцену,
я сдаю их, как карты, раздаю им роли.
Я разбираю игру на детали, играю в детали игры.
Детали идут на войну, погибают и плачут.
Какого Шекспира я их убила.
Мое лицо тоже состоит из деталей —
ушей и огромных губ.
Ноги ушли в колени,
хрустящие, как сухари,
позорище школьной физкультуры.

Я на диете — грызу и читаю,
как закалялась сталь.
Я не люблю Корчагина — Вия комсомола
и партии.

Поднимите Корчагину веки.
Доктора совещаются у постели.
У меня порок, говорят Доктора.
Я не люблю также Васькина, соседа по парте.
Стальное сердце не вырастает,
не зарастает дыра.
Давясь, я грызу сухари.
Мне хотелось бы пончиков,
у них тоже дырка в сердце,

температура, как у меня,
и липкая горячая кожа.
Но Доктор считает, что пончики мне вредны.
Доктор балансирует на краю порочного сердца,
заглядывает в дыру, пожимает колени.
У тебя будет красивая грудь, говорит мне Д.
Я реву на пороге дыры.
Я стану порочной женщиной.
Но Д. говорит —
нет, это все-таки ревмокардит.

12.2016

Одесский зоопарк

*Как я перестала верить в Деда Мороза
и прочие чудеса*

I

Я люблю воскресенья, Родину и цифру «три»
на боку трамвая, как и я, патриота. Внутри —
сиденья изогнуты (новенькая сказочная ладья),
тоже красные. Разворот —
и трамвай направляется... нет, не в парк,
а в обратный путь,
к зоопарку, в котором сегодня
по расписанию — чудо:
нас абсолютно бесплатно пропустят,
и я без помех смогу
ходить вдоль вольеров целых сорок четыре
минуты,
за жизнью зверей следя.
Мама придёт за мной на сорок пятой, в срок,
или даже позже немного. Я — счастливая дочка
матери-педагога,
которой достался невероятный частный урок:
дочке директора зоопарка захотелось
музыке поучиться. Неплохо,
правда? Так я попала в закрытый
на санитарный день зоопарк.
Директор живёт за зелёным забором
возле страусов, лам и альпак,
сразу за парнокопытным вольером.

II

Утро позвякивает ключами,
отпирая калиточку ясного неба,
протирает солнце, вздымая клочья
пылинок. Я прилипла к стеклу вагона,
нос расплющен нелепо.

Раннее утро каждого воскресенья —
это, оказывается, время
бесшумных старушек в чёрном,
наводняющих третий маршрут:
какая-то специально выведенная порода,
обитающая в этой части города.
Просачиваются к выходу, как песчинки узким
горлом песочных часов,
пустыми губами что-то жуют.
Я ненавижу старушек — мещанок, мышек.
Что им Неизвестный Матрос
и слава героев павших:
они навещают пыльных тётъ и племянников
на кладбищенской тощей пашне.
Большая их половина стекает на землю неслышно
из жёлтых трамвайных дверей,
удаляется в каменный лес
на остановке «Второе кладбище»
по красной нити пионов, гвоздик и роз.
У пугающих врат — венки из бывших цветков
ядовитых оттенков
и ещё старушки: этих, возможно,
разводят прямо там, среди памятников.

Избыток старушек чёрной волной
выплёскивается на остановку «Привоз»,
вместе с нами на солнечный зоопарковый газон.
У них — особые отношения с красным:
змеиные головы тюльпанов
по-собачьи вынюхивают дорогу,
маки, обмякнув, обещают забвенью и сладкий сон.

III

Оживлённый директорский уголок.
Переступаем порог
жилища с коврами, фоно и сервантом,
как у всех — если б не звуки саванны,
периодически заставляющие позвякивать
цветные бокалы.
Я спешу распрощаться вежливо и смиренно:
мне многое нужно успеть.
В кулёчке — снедь
для зверей: печенья «Мария» и яблоко «Семеренко».
Саванна с тропиками – за стенкой.

Я спешу к любимцам. Но сегодня, видно,
мне досталась добавка воскресного чуда,
сахарной ваты в колком пакете.
Говорит директор: «Показать хочу вам
павильон исключительно для своих. Эти
животные — бывшие цирковые».
Я парю на облаке. В тускло-синем
сыром сарае
пахнет грустным большим зверьём.

Я понимаю внезапно:

Африка не существует.

Индии и Австралии тоже нет нигде.

Под ногами сыро и гадко,
как в бассейне реки Амазонки,

которая тоже придумана, скорее всего.

Этой зимой я впервые не жду Деда Мороза:

Дед-Морозов завозят с фабрики грёз.

Я не знаю о кладбище, о мёртвых звёздах,

о том, что у входа

была могила Веры Холодной,

а также нескольких кино-отцов.

— В зоопарк отказываешься?! Ты всерьёз?!

04.2014

Примечание. Зоопарк располагался через дорогу от «Привоза». Рядом с зоопарком находились трамвайное депо и парк Ильича с аттракционами. Всё это было построено в конце 30-х годов на месте 1-го Христианского кладбища. Никаких перезахоронений не было — просто залили кости бетоном и построили танцплощадку, вольеры для зверей и так далее. Где-то у входа действительно были могилы знаменитых артистов немного кино, в том числе Веры Холодной. Ещё до основания зоопарка это место использовалось цирковыми для размещения животных, не занятых в представлениях.

Девушка

Она — симпатичней намного

и только чуть-чуть взрослей,

Чем я. Невзначай подумав о ней, себе говорю:

«Фиг с ней!»

Собраны в косу пряные волосы.

Мне проще поверить, что нет ее вовсе,

Этой девушки, над которой пчелы

Жужжат во хмелю красоты веселой.

Словно кролик, слежу за удавом молнии

Кожаной куртки, за губами полными —

Как мои, но в помаде томатных кровей.

Ноги, волосы, зубы — моих ровней.

Вот она в дискотечном мелькании тел.

Над крутой ягодицей — большая «L».

Это — фирма! Хоть формы ее манят,

Все-таки в ней что-то есть от меня.

Все-таки я ее вообразила,

Придумала, а потом забыла,

Пока не увидела в модном кафе

С отцом моим, голова к голове.

Вмиг повзрослев, голоском противным

Бросаю подружке: «Пойдем!»

Секрет, словно ключ от чужой квартиры,

Ребром прожигает ладонь.

Я кажусь себе — нелогично, странно! —
 дрессировщицей в цирке
 семейной драмы.
Почему-то стыдно перед отцом.
 Домой вернувшись, кричу на маму.

04.2014

Мальчик

Когда на границе, на въезде в сон,
Где реальность, как акварель, расплывается,
Вдруг звонит старомодным звонком телефон,
Я вздрагиваю: «Мальчик из моего класса».

Он звонил очень часто: был, может, влюблен?
Я была вежлива. Папа ругался.

Да что это я?! Вспоминать, так ребят
Других, интересных. Он — как клякса, скушен.
Звонил и молчал — сколько можно молчать?!
Дышал в таксофон — размораживал трубку,
И мама сначала смеялась: «Тебя!»,
А после сердилась, уже не на шутку.

Вот, кажется, вспомнила: он одолжил
В буфете денег, — то ли рупь, то ли трешку.
Он, кажется, вовсе домой не спешил.
Застойное блюдо: сосиски с горошком.
Он все не выросел. Он один не выросел.
Довольно-таки инфантильный малый:
Уже все покуривали в березняке,
А он всё гонял в «казаки» и «сало».

Никогда не прорвавшийся в «хорошисты»,
Исполнительный, пустоглазый.
О чем говорить с ним? Хоть как-то выделись,
Слышь, мальчик из моего класса.

На въезде в сон, неизменен, —
век измениться не дал:

Сменные тапки, портфельчик старенький.
Он мне даже не нравился никогда,
Мальчик из моего класса,
Сгоревший в танке.

01.2014

Письма, оставленные на О'эле*

I

Камбрия-Хайтс. Монтефиоре, Мекка евреев.
Полнолуние, кладбищенское время.
Добро пожаловать в загробный офис
реб Шнеерсона.
Я думала, здесь будут только одетые
по одному фасону
хасиды в нелепом своем наряде,
но вижу женщин в обычных платьях,
девчонок, непримечательных с виду.
Был такой детский шампунь «Без слез»,
задуманный, видно, хасидом.
Постараюсь без слез.
Ухо улавливает вавилонский разброс
(но шепотом, шепотом, если можно).
Комната напоминает зал ожидания
перед дверью таможенника,
раздевалку в школе или спортивном зале:
пластиковая поверхность, сменная обувь,
вешалка для шалей.
Разнокалиберный люд пишет список желаний.

* О'эль — место упокоения Седьмого любавического Ребе Менахема-Мендла Шнеерсона

II

Я заглядываю в себя и в псалмы.
Я ищу подходящие слова,
но молитвенник говорит совсем о другом.
Зато внизу, в бетонной квадратной ванне,
в купальне просьб и слез,
среди разорванных белых записок
(иногда выныривают суетные цветные —
накладные, настенные календари,
билеты в кино, чьи-то фото),
чернильные строчки — как стрелы устремлены
в небо; строчки протягивают руки,
как запоздалые ночные пловцы.
Сделай так, чтобы... had to ask Thee...
...хорошо...
Please Hashem... Hash...
На всех доступных языках,
в манере вавилонской разноголосицы
выкликают
имя Б-га, шипящее, как пенный напиток,
имя Б-га,
бутылочный осколок в песке,
просящий тишины.
Нам ли не знать, как он нетерпелив
и не всегда логичен.
Но, пока я колеблюсь, просить ли,
из молитвенника выпадает
кем-то оставленная записка
«Выше нос, все уладится,» —
и я понимаю, что выслушана сегодня.

09.2016

ПЕРЕВОДЫ И ПЕРЕСКАЗЫ

Из Лэнгстона Хьюза

Из прошлого Мадам

Приветик. Я — мисс Джонсон,
Мадам Альберта К.
Торговая марка
«Мадам» вполне ярка

Сначала
был САЛОН
причесок с макияжем —
Депрессией
был он стерт
и сглажен.

Потом я продавала
Барбекю с тележки,
Пока не связалась
С одним ненадежным.

Еще была страховка,
Но Дабл-Ю-Пи-Эй*
Сказало: «Эй, красотка,
Смотри, не богатей».

* WPA — Управление общественных работ США (1935—1943)

Сказав им: «Не волнуйтесь,
Следите за собой,» —
Пошла своей дорогой,
Как в песне, столбовой.

А нынче — то сготовлю,
То что-нибудь продам.
Альберта К. Джонсон —
Для вас — Мадам.

Мадам и ее мадам

И всем-то хозяйка
Была хороша,
Вот только домина был
В три этажа.

Варила ей завтрак,
И ленч, и обед.
Детишек укладывала
На десерт.

Стирала да гладила,
Спину напряжив, —
Прогулка с собакой —
Вот весь мой ужин.

«Мадам, это надо же
Так ошибиться!
Не кобыла по найму я,
А девица».

Опешив, хозяйка
Вскричала: «Шок!
Альберта, люблю тебя,
Милый дружок!»

«Мадам, — я сказала, —
Все может быть.
Но надо быть душой,
Чтоб Вас любить!»

Langston Hughes. Madam and Her Madam

Жизнь хороша

Пойду-ка я на речку
Сидеть на берегу.
Я лучше брошусь в воду,
А думать не могу.

Я вынырнул, рыдая,
Я вынырнул, крича,
Холодная такая
В реке была вода.

А если бы не холод, погиб бы сгоряча.

Погиб бы сгоряча!

Я в лифте вверх поехал,
Забрался на карниз,
И, думая о милой,
Готов был спрыгнуть вниз.

Я там кричал и плакал,
Впадая в дикий раж.
Опсен юной жизни
Шестнадцатый этаж.

*А если бы пониже, погиб бы ни за грош.
Погиб бы ни за грош!*

Поскольку я не умер,
То буду жить и впредь.
Мог за любовь погибнуть —
Тогда бы мне не петь.

Когда расстроен слишком,
Могу рыдать, вопить,
Но, черт возьми, малышка,
Решил я дальше жить.

*Ведь жизнь так хороша! Мне жизнь дана одна!
Она — глоток вина!*

Langston Hughes. Life Is Fine

Расстояния нет

Я когда-то размышлял
над жизнью и умиранием.
Мне кажется, это как разница
между слезой и рыданием.

Когда же я думаю
про тот и этот свет,
мне кажется,
расстояния нет.

*Langston Hughes. Distance Nowhere
(с английского)*

Из Гвендолин Брукс

Нам все по приколу

Бильярдисты. Семеро в «Золотой лопате»

Нам все по приколу. Мы
Бросили школу. Мы

До поздней поры. Мы
Катаем шары. Мы

Грешим как один. Мы
Цедить станем джин. Мы

Июнь зажжем. Мы
Рано умрем.

Gwendolyn Brooks. We Real Cool

Юго-восточный угол

Салон ее — таверной стал,
В земле лежит Мадам,
За Линкольном, среди могил
Безвременно она
Покоится, и монумент
Ее других виднее.
Спокойна нынче, ведь ее
Удача — тоже с нею:

Пурпур, вельвет, холодный цинк
В доме ее последнем
Шелк переливчатый блестит
Над безразличием бледным.

Gwendolyn Brooks. Southeast Corner
(с английского)

Из Эдны Сент-Винсент Миллей

Непутешественница

Тропинка мимо дома шла.
Была уж очень хороша! —
Но матушка меня предупредила:
«В конце тропинки, доченька,
Найдешь ты дом молочника»
(И с той поры я дальше не ходила).

Edna St. Vincent Millay. The Unexplorer

Синяя Борода

Просил не открывать, но ты вошла;
Смотри же, из-за малости какой
Предательство... Не видно ни котла,
Ни дев, что расплатились головой

За жадность, наподобие твоей;
Магических кристаллов нету там,
Сокровищ, рук заломленных... Глазей:
Лишь паутина, затхлость, пустота

В той комнате. Но все ж она была
Мой только, сокровенный уголок.
Ты ж, осквернив меня, так пробралась
Бесцеремонно за ее порог,

Что лик твой мне не должно созерцать
И надо место новое искать.

Edna St. Vincent Millay. Bluebeard

Сонет XLII

Чьи губы целовала, где, когда,
На чьей руке спала я до утра,
Зачем мне помнить, право? Если б не
Пошел сегодня дождь из их теней,

Я сердцу запретила бы щемить.
Пускай вздыхали б призраки в окне —
Их, незапомнившихся мальчиков, во сне
Меня зовущих, уж не оживить.

Так дерево средь зимней тишины
Не помнит пенья улетевших птиц.
Я не припомню ни имен, ни лиц.
Влюбленности детали не важны

Я только знаю: скоро год уже,
Как лето не звучит в моей душе.

*Edna St. Vincent Millay. What lips my lips have kissed,
and where, and why...*

Сонет II

Не лечит время ничего, и лгут
Друзья мои, забвенью мне суля.
Хочу его под аккомпанимент дождя.
Все жду его прибыть на углу.

Растают вековечные снега,
И листья прошлогодние сожгут,
Но прошлогодняя любовь моя
Еще со мной, еще горчит во рту.

Я избегаю из последних сил
Той сотни мест, где он со мною был,
Когда же набреду на уголок,
Где не сияло милое лицо,
Спешу сказать: «Здесь не было его!»,
Впустив невольно память на порог.

Edna St. Vincent Millay. Sonnet II

Лишь до опушки леса

I.

Пропитан день ознобом,
Который мудрецу давно не кажется особым.
И радость, знаю,
Снега заметают.

Не видно больше солнца,
Оно за тучей.
Красы, что уже не вернется,
Немногие глас не забыли.
Живет лишь тем, что было,
Сердце, измучено.
Ночь припорошит.
Сегодня — в прошлом.
С холма задувает к моей двери
Хлопья: две, три
Снежинки, а там — и вихри.

II.

Ветвь за ветвью,
Дерево гибнет. Зелена
Одна лишь ветка, листьями шевелит.

Что съело корень, какое зло,
Что за страшная вещь,
Дай птице пропеть; может, знает клещ.
Наклонись над червем под трухлявой корой,
Над кротовой норой.

Нам с тобой остается одно:
Пополам распилить этот ствол.

III

Расстроенный рассудок,
Беги от этих форм,
От сгорбленных «Зачем»,

От неги и уюта.
Ищи укрытье в буре,
В предштормовом сумбуре.

Расстанетесь, все тщетно —
Покой себе верни,
Его душе нещедрой
Свободы кость швырни.

IV

Не умерла от ран,
Не принесли в село на куче веток, в куски
Разодранную мощной лапой, чтоб селяне ахали
всю ночь,
Нет — комарами насмерть
Загрызена Любовь.

Каким болотом я брела все годы,
Теперь понятно мне.

V

Бедный мой, страстный малыш,
Как же ты вольно летишь,
Хоть и подрезаны крылья —
Но лишь до опушки леса.

Свежа и без ран, за исключением глаз
тревожного блеска,
Сидишь среди поля, на виду, как корабль,
ярче желтеющей нивы.
Что тебя приземлило, что сбило с пути —
этот неравный взлёт,
этого ветра порывы,
пробравшиеся под крыльев обрезки?

Птичка–бунтарь, чужеродное яркое тело,
Разве неясно? — Полет твой — пропащее дело,
Высокие ветви забудь. Дом твой — тут,
Между амбаром и лесом, на поле холодном.
Хоть Время крыло оперит,
Тот, кто окольцован сидит,
Кто был в заключеньи, как ты,
Не станет уже свободным.

Edna St. Vincent Millay. Not So Far as the Forest

Любовь — не всё...

Любовь — не всё: не мясо, не питье,
Не топливо, не крыша от дождя,
Не мачта, чтоб цепляться за нее
Во время бури, вверх и вниз скользя.
Нет, не предложит воздуха глоток
Любовь, не исцелит от хромоты,
Но те, что прозябают без нее,
Со смертью становятся на "ты".

И, может статься, в самый трудный час
Я пожелаю стать совсем другой:
Когда нужда и боль настигнут нас,
Я выменяю нежность на покой,
А память этой ночи — на еду.
Нет... сил в себе на это не найду.

Edna St. Vincent Millay. Love Is Not All

Пир

Бродила вдоль стола,
Пила из рюмки каждой,
Но не нашла вина
Прекраснее, чем жажда.

Грызя земли плоды,
Пришла я к убежденью,
Что в мире нет еды
Вкуснее вожделенья.

Всю эту канитель
Я распродам отважно
И лягу на постель
Из голода и жажды.

Edna St. Vincent Millay. Feast

Сонет XLII

Чьи губы целовала, где, когда,
На чьей руке спала я до утра,
Зачем мне помнить, право? Если б не
Пошел сегодня дождь из их теней,
Я сердцу запретила бы щемить.
Пускай вздыхали б призраки в окне —
Их, незапомнившихся мальчиков, во сне
Меня зовущих, уж не оживить.
Так дерево средь зимней тишины
Не помнит пенья улетевших птиц.
Я не припомню ни имен, ни лиц.
Влюбленности детали не важны.
Я только знаю: скоро год уже,
Как лето не звучит в моей душе.

*Edna St. Vincent Millay. Sonnet XLII
(с английского)*

Из Т. С. Элиота

Текст для старика

Тигр, угодивший в западню,
Не раздражительней меня.
Он не сильнее бьет хвостом,
Чем я, от запаха врага,
Что корчится в своей крови
Иль свешивается с сучка.
Я обнажаю едкий зуб,
Язык изогнут, зашипеть
Готов, и юным этот звук
Не по зубам, страшной любви
И отвращения нежней.
Пусть, в золотой мой глаз глядясь,
Тупица знает, что он глуп.
Как этот миг мне люб!

T. S. Eliot. Lines For An Old Man

«Бостон Ивнинг Транскрипт»

Читающие «Бостон Ивнинг Транскрипт»
Колышутся, как кукуруза в поле.

По улице спешащий бледный вечер
В одних пробудит к лучшей жизни волю,
Другим доставит «Бостон Ивнинг Транскрипт».
Я в дверь звоню, вздыхая глубоко
(Здесь время — улица, в конце — Ларошфуко,
Со мной прощаясь, вдалеке стоит),
И говорю: «Кузина Хэрриет,
вот "Бостон Ивнинг Транскрипт"».

T. S. Eliot. The Boston Evening Transcript
(с английского)

Из Чарльза Буковски

Меланхолия

история меланхолии прямо
касается нас.

я же — на грязных простынях,
уткнувшись в пустоту,
носом в стенку.

я так привык к меланхолии,
что
приветствую ее
в дверях.

вот сейчас у меня — пятнадцатиминутка горя
по ушедшей рыжей,
говорю богам.

все плохо, и будет хуже;
встал из лужи
слез, не разрешив
ни черта,
но ОЧИСТИВШИСЬ
в душе.

религия мстит мне за то,
что получила под зад.

рыжая все же достойна
пинка под зад,
под тот, в котором и мозг ее,
и бутер-
брод...

но нет, я не рад.
я — в хандре обо всем.
потеря рыжей —
всего лишь
еще один удар в цепи
жизненных утрат.

ухмыляюсь, пока ударные в радио
гремят.
нет у меня проблем, что ли,
кроме
меланхолии.

Charles Bukowski. Melancholia
(с английского)

Из Энн Секстон

В ее стиле

Зачарованной ведьмой я отправилась в путь,
преследуя черный воздух, к ночи смелей,
из дома в дом, свет за светом, не в себе чуть-чуть,
автостопом настранствовала, мечтая о зле,
Одинокая, двенадцатипалая, навеселе.
Такая женщина — не совсем женщина,
на самом-то деле.

Я — в ее стиле.

Я тепло отыскала лесных пещер
и стала утварью их наполнять,
полками, поделками, шелками,
тыщей всяческих вещей,
хныча, но не переставая приукрашать,
чтобы эльфы и червяки здесь ели и пили.
Такую б не поняли, не вообразили.
Я — в ее стиле.

Я сидела в последней повозке, возница,
обнаженной рукой маша исчезающим селам,
разбирая дорогу в свете зарницы,
выживая среди костров веселых,
что кусали за ляжки, и колеса
по ребрам моим катились.
Умереть не стыдно — вполне посылно.
Я — в ее стиле.

Ann Sexton. Her Kind

Красные розы

Томми три года. Когда
Он не слушает маму,
Она ставит пластинку
«Красные розы для синей дамы».
Она не тронула его даже пальцем,
Но он — нехороший мальчик
И она с ним танцует: поднимет и бросит.
Тогда расцветают красные розы
В разных местах — то на голове
(Тогда он поплыл по широкой реке),
То на руке (перекушен сверлом),
То на спине (поломанным чучелом),
То ногу, как лакричную палочку,
В их танце сломал.
Запомни, ты просто упал.
— Я просто упал, — говорит он врачам
И добрым тетям в приемном покое.
— Я падаю часто. Я падаю сам.
Вдруг его заберут, а маму прогонят.
Он умеет говорить и не должен молчать.
Он мог бы сказать, как она поет
И кричит, запуская его в полет,

Но он притворяется, что он — просто мяч.
Он старается сложиться, но
Опять расквашивается, как помидор.
Потому что Синяя Дама — его любимая мать
И эти розы — все, что он может ей дать.

Anne Sexton. Red Roses (с английского)

Из Сильвии Платт

Рисково

Хвала неподвижности:
За окаменелый нрав
и пустой, из камня, ступор глаз,
что, сквозь замшелость век в птичьих лапках,
следят за какой-то недвижимой точкой
над непостоянством листвы,
чехардой и галопом бликов
на сомнительной парковой лавке,

Где живые детишки вращаются
Цветными вьюнами сквозь время,
не зная, как их игра рискова:
Ну же! — кричат, и качели взвиваются
к вершинам деревьев
Ну же! — и карусели
тянут по кругу их снова.

Я, как и дети, поймана
В смертность активных глаголов.
Мой преходящий глаз роняет по слезке
по промелькнувшей игре
ребенка, облака и листка,
пока те, долговечные глаза
в твердых своих глазницах
все ту же фугу играют с листа.

Sylvia Plath. Touch-And-Go

По ежевику

Никого на тропе, ничего, кроме ежевики.
Ежевика с обеих сторон, хоть и погуще справа.
Ежевичная тропка петляет, спеша, а в конце,
Внизу, дышит море. Ежевика крупна,
как подушечки пальцев, беззвучна — глаза,
чернеющие в зарослях,
пухлые от красно-синего сока.

Он расточительно брызжет на пальцы.
Я не просила этого кровного сестринства;
они, видно, меня любят,
Сплюсциваются до размеров бутылочного горла.

Над головой — какофония галок в черном —
Клочки жженой бумаги ввинчиваются в небо.
Слышны их голоса, протесты, протесты
Не думаю, что море вообще когда-либо появится.
Сияет зелень высоких лугов,
подсвеченная изнутри.
Я подхожу к кусту, такому спелому,
что он обернулся кустом мух,
Свесивших сине-зеленые брюшки и крылышки
не толще китайской ширмы.
Медовый пир ежевики потряс их;
рай существует.
Еще поворот, и кустов с ягодами нет.

Единственное, что здесь есть, это море.
Из раздвоенья холмов дует внезапный ветер,
Хлопая по моему лицу призрачной стиркой.
Холмы эти слишком зелены и невинны,
 чтобы распробовать соль.
Я иду по овечьей тропе между ними.
 Еще поворот —
И я на северном анфасе холма,
 и анфас — в оранжевом камне,
Не видящем ничего, кроме великого простора
Белых и оловянных бликов, и звона,
 словно мастера
Бьют и бьют по неподатливому серебру.

Sylvia Plath. Blackberrying

Грибы

Крадучись, за ночь.
Очень по-белому,
Как бы несмело

Зубы и ноздри
Впиваются в мох,
Воздух наследуя.

Мы не увидены,
Не остановлены и не выданы.
Злаки, раздвиньтесь...

В пальцах мясистых
Иголки топорщатся.
Простыни листьев

И даже булжники
Нами таранятся.
Безглазы, безухи,

Безгласно протиснем
Тела сквозь щели,
На водной диете,

На крошках от тени.
Постным невежам
Просить не пристало.

Надо так мало
Многим из нас!
Многим из нас!

Станем на полки,
Столы заполним,
Скромны и съедобны,

Прорвемся к кормушке
Себе вопреки.
Множатся наши души.

Мы унаследуем
Землю к утру.
Уже на пороге.

Sylvia Plath. Mushrooms

Слова, случайно подслушанные по телефону

О грязь, грязь, как жидка! —
Густая, как импортный кофе, медлителен пульс.
Говорите! Говорите! Кто это?
Это — кишечный пульс, любитель печени.
Он достоин сих слогов, их звучанья.

Что за слова, слова?
Чавкающие, как грязь.
Боже, как я очищу столик, когда?
Они выдавливаются из многодырчатой трубки, ища
слушателя.
Он здесь?

Комната шикает: «брысь». Инструмент
Втянул свои щупальца.
Но икра все роится в сердце, плодоносна.
Уберите прочь воронку из грязи —
Уж слишком она велика!

Sylvia Plath. Words heard, by accident, over the phone

Зимний пейзаж с грачами

Накопившись в лотке, вода через каменный шлюз
опротью рушится в черный пруд,
где абсурдно лебедь один, презрев сезон,
дрейфует, чист как снег, смущая смятенный ум,
в нетерпении тянущий белую тень ко дну.

Аскетичное солнце закатывается за топь,
глаз циклопа в оранжевом обречен
убегать от ландшафта печали прочь;
в оперении темных мыслей я шагаю грачом,
пока опускается зимняя ночь.
Прошлогодний тростник весь выгравирован
во льду,

как твой образ в глазу моем; изморозь
глазирует окна моих обид; где найду
тот покой, что позволит высохшему ростку
в моем сердце зазеленеть?

Кто войдет в его блеклую тьму?

Sylvia Plath. Winter Landscape, With Rooks

Паралитик

Бывает. Дальше — тоже так?
Пудовый мозг,
Не мои ни язык, ни рука,
Железное легкое — бог

Милосердный — качает
Воздух,
Два моих мешка наполняет,
Не дает

В кОму впасть,
Пока день на дворе скользит телетайпной лентой.
Вечера фиолетовы,
В гобеленах глаз,

В свете; сладки
Безымянные голоса:
«Все ли в порядке?»
Накрахмаленный, недоступный халат.

икринкой неживой,
Целиком,
Среди целого мира — его не тронь,
На белом, тугом

Барабане койки лежу.
Фотографии навещают —
Мертвую плоскую, в допотопных мехах, жену
С жемчугами во рту сопровождают

Две, плоские такие же,
Девушки, шепчущие: «Мы — дочки.»
Целлофаном
Обертывают щеки,

Губы, глаза и уши
Стоячие воды.
Прозрачную пленку не разорвать.
Под спиною — кровать,

Я, будда, улыбаюсь.
Опадают
Желанья, как кольца,
В света объятьях.

Клешни
Магнолии,
Опьяненной собственным ароматом,
Ничего от жизни не станут брать.

Sylvia Plath. Paralytic
(с английского)

Из Ли–Янг Ли

Гимн детству

Детство? Какое детство?

То, что кончилось рано?

То, в котором ты научился испытывать страх при виде заколоченного колодца в саду и стремянки, что ведет на чердак?

То, под председательством вооруженных мужчин в униформе не по размеру, патрулирующих улицы и аллеи под громкоговорители,

провозглашающие новую эру,

то, в котором дом все увеличивался и пустел, с отдаляющимися комнатами, исчезающими соседями?

Фотографии перешептывались, из рамок выглядывали.

Кастрюли по имени звали,

всякий раз, когда ты мимо кухни шагал.

А вы с сестрой вместе мертвыми притворялись в играх потерянности и спасения.

Ты научился смирно лежать, так, чтоб мир казался пьесой, которую ты смотрел из глухой безопасности, наблюдая из другого крыла. Гляди! В ходе игры вбегали слуги с криком, солдаты орали,

переворачивая мебель, разбивая фарфор твоей мамы.

Не засыпать.

Каждый акт начинается с мамы и письма, заставившего ее рыдать.

Каждый акт завершается, когда отец попадает в руки Фараона наконец.

Какое детство? Бесконечное? О, ты, все дитя, и все не спешишь расти. Все беседуешь с Богом и звук снегопада считаешь божьей попыткой быть рядом, а зиму — домом с высокими потолками, где Бог океанские волны измеряет, глаз прищурив, в минутах и октавах, и подсчитывает на всех своих пальцах все способы сказать «я», выученные мальчиком.

Какое детство?

То, от которого некуда деться? Ты,

не спешащий узнать,

что ты знаешь, а что не можешь знать.

Все прислушивающийся к тихой песне ветра на карнизе,

к истории в дыхании,

к скорби в вечернем голубином ворковании,

и к избытию в голосе невидимой птицы

по утрам. Все еще не отличающий

память от воображения, рай от

нынешнего момента,

ад от нынешнего момента,
смерть от детства, и то, и другое —
от сновидений.

Li-Young, Li. A Hymn to Childhood

Ты молился?

Если ветер
обернувшись, спрашивает голосом отца:
Ты молился? —

Я знаю три вещи. Раз:
мне никак не закончить отчет мертвецам.

Два: человек — это четыре ветра, три огня,
и четыре ветра — это голоса
матери и отца...

А может, он — семь ветров и десять огней,
и огни тогда — слух, осязание, зрение,
сны и мысли...
Или он — дыханье Бога?

Если ветер, как путник,
спрашивает голосом отца :Ты молился?
Я вспоминаю три вещи.
Раз: Любовь отца —

из сахара и молока,
двух третей тревоги, двух третей печали,
остатки взойдут, как сдоба, чтоб вышел хлеб,
что живые и мертвые делят.

А терпение? Это нужно,
чтоб выдержать ужас замеса и восхода.

А мудрость? Это лицо отца в часы сна.

Если ветер
спрашивает: Ты молился?
Я знаю — это всего лишь я

напоминаю себе:
цветок — это остановка между
желаньем и разрывом земли, а кровь —

стала пламенем, солью, дыханием до
того, как она оживила руку, ветвь,
заговорившую со сна.

Это — я в рубахе ветров,
или отец мой, через меня
спрашивающий: «Ты нашел
прибежище? Счастлив?»

Странно. Беспокойный отец. Счастливый сын.
Ветер с голосом. Я, говорящий с собой.

Li-Young, Li. Have You Prayed
(с английского)

Из Билли Коллинса

Сонет

Довольно четырнадцати строк —
уже тринадцати —
а там и дюжина осталась,
и вот кораблик спущен прямо в шторм любви;
теперь их десять — как в стручке бобы.
Вот как легко писать сонет вне времен Элизабет,
без игр ямбических, без рифм,
по одной в конце строки расставленных,
как остановки при подъеме на Голгофу.
Но подождите, вот — последний поворот.
Шесть строк в конце все разрешат, и вот
конец томленью и тоске уж недалек.
Лаура убедит Петрарку положить перо,
стащить безумные средневековые трико,
и, потушив свечу, улечься к ней под бок.

Billy Collins. Sonnet
(с английского)

Из Люсиль Клифтон

Пожелания сыновьям

желаю им схваток,
желаю — в городе незнакомом
и без «7-11»^{*} в округе,
а в сумке последний тампон.

желаю — неделей раньше
пятнами на белом
желаю задержки на неделю.

еще им желаю приливов,
кровавых сгустков,
как еще не бывало. чтоб приливы
особо одолевали, если
их пригласят на важное свиданье.
а сгустки досаждали
им каждый день.

пусть они практикуют принятие
спесивой своей вселенной,
идя на прием к гинекологам,
так похожим на них самих.

Lucille Clifton. Wishes for sons
(с английского)

* «7-11» — сеть круглосуточных магазинов.

Из Джудит Виорст

Как можно хотеть заводить детей в этом ужасном мире?

*(Возможный ответ на вопрос возможной
невестки)*

Качественные деревянные вещи
нынче делаются из пластмассы.
Обслуживаемся не людьми, а машинами.
Настоящих людей стало мало,
Да и с теми говорим только после третьего сигнала.
А решения принимают козлы или мошенники.

Но все равно я о внуке мечтаю.

Связываться с юристами —
не дешевле частного самолета.
К смертельной болезни ведет сексуальное
поведение.

Говорят, нам угрожает ядерная война,
За которой последует ядерная зима,
Если не будет глобального потепления.

Но все равно я о внуке мечтаю.

Террористы взрывают нас во время отпуска.
Грабители и насильники поджидают
на нашей же улице.
Хотя сигнализация и работает прекрасно,
Даже в собственном доме небезопасно
Из-за свинца в воде и сальмонеллы в курице.

Но все равно я о внуке мечтаю.

Мы пережили закат и падение Римской Империи,
Биржевый крах и вторую мировую,
Чуму, всемирный потоп, инквизицию.
Не пропусти в этот раз овуляцию,
Пока планету слегка приберу я

Для внука, о котором я мечтаю.

*Judith Viorst. For a Future Daughter-In-Law
(с английского)*

Из Джонаха Уинтера

Сон

Как под причалом
Вода отдает синюю.

Как гвозди в коробке трутся
Друг о дружку.

Как апельсины
Катятся от других апельсинов.

Как идет голове
Твоей с утра подушка.

Jonah Winter. Sleep
(с английского)

Из К. И. Галчинского

Еврейский ребенок

Я видел тот балкон в апрельском свете
Слепящего рассвета; там о поле
Напоминает ароматный ветер,
Растениями, птицами наполнен.

Балкон исходит солнечным сияньем.
На нем, спугнув все ароматы разом,
Последняя мелькнула тень печально
И бродит по нему, зеленоглаза.

Девчушка, чья история вольется
В тома воспоминаний, среди прочих.
Все вроде б хорошо, но не смеется,
Еще со страха вскрикивает ночью

Еврейское дитя. Цветок — в секрете
Пророс. Сверчок — таится за стеною.
Родители и бабка, сгинув в гетто,
Освещены пожаром и луною.

Все хорошо сегодня, правда, детка?
Мигают звезды и цветы пахучи,
Но, как и ты, я ночи жду немецкой
И сны мои опутаны колючкой.

Konstanty Ildefons Gałczyński. Dziecko żydowskie
(с польского)

Из Хорхе Луиса Борхеса

Самоубийца

Не оставив ни звезды в ночи,
не оставив и ночи,
умру, и умрет со смертью моею
невыносимость вселенной.
Я сотру пирамиды, медали,
континенты и лица.
Я сотру на прошлом скопившиеся отпечатки.
Сотру в пыль историю, после и пыль сотру.
Гляжу на лучи последнего заката,
Слышу последнюю птицу.
Некому передать пустоту.

Jorge Luis Borges. El suicida

Коту

Нет, зеркала они не молчаливей,
не скрытней, чем они, рассвета тайна;
пантерами крадутся под луною,
на расстоянии неразличимы.
Ты — необъяснимый промысел божий;
мы ищем зря тебя; ты — отдаленный,
в своем сиротстве, в своем секрете
на воды Ганга иль на запад похожий.

Снисходит спинка к моему касанью,
к бесстыдным пальцам.
Ты признаёшь, что, если вечность неподвластна,
то примешь ласку ты опасливой руки.
Ты — счастливый обладатель
запретной сферы снов. Ты — обитатель
времен других.

Jorge Luis Borges. A un gato
(с испанского)

Из Дульсе Марии Лойнас

Маленький горбун

Этого сада маленький старожил —
горбун каждый камень
коленками изучил,
прочувствовал чешуйчатými руками
человечьей рептилии.

Сброшенный вниз искалеченный ангел,
отлученный от алтаря,
он играет земляными червями,
радуется огненного дерева корням.

Нет на свете ступней нежнее,
чем у маленького горбуна,

нету небес отдалённой.
Старший брат подбрасывает его, и тогда
он ловит солнце
в чумазы ладони.

Dulce Maria Loynaz. El pequeño contrahecho

* * *

Целиком полюби меня, милый,
Не клочками из света и тени.
Если любишь, люби меня белой
или черной, зеленой и серой,
блондинкой или брюнеткой,
ночью, днем ли,
у окна, распахнутого рассветом!

Полюби всю меня, не дели...
Так не можешь — совсем не люби!

Dulce Maria Loynaz. Si me quieres, quíereme entera

Подземные воды

Под землей твои воды
Ты — из тех скрытых струй,
что текут сквозь камень.
Ты — из тех темных, родных струй,
что крадутся в подземелье,
незамечены солнцем,
ты — жажда тех, кто пересекает землю
и тех, кто катится по земле.

Ты — родник без цели и без имени
на карте; ты — чистейшая свежесть,
мерцающая тайна свежести,
ликование тайны
этой свежести, которая и есть — ты,
струи, которой ты был всегда,
не пытаясь стать ничем иным, как
черной водой безымянной,
сжимающей, сжимающей крепко меня!

Dulce Maria Loynaz. Agua escondida
(с испанского)

Из Сесилии Мейрелеш

Мини–песенка

Среди Вечных тайн Вселенной
Балансирует планета.
Сад растет на той планете,
Клумбу в том саду разбили.
Флокс растет на клумбе этой.
И на флоксе, тонкокрыла,
Среди Вечных тайн Вселенной,
Бабочка проводит лето.

Cecilia Meireles. Canção Mínima

Моя любовь

Моя любовь не значит
Совсем ничего,
Весит меньше, чем пена
Из розовых лепестков.
Кто сорвал лепестки?
Для каких затей?
Моя любовь не весит
Ничего вообще.

Cecilia Meireles. O meu amor

Мотив

Пою потому, что полна жизнь моя,
пою ради мига. Не вызовет это
ни грусти, ни сожаления
у поэта.

Братья мои по эфиру,
нет ни радости в песне, ни горя:
ночи с днями пересекаю пунктиром,
с ветром споря.

Я возвожу или разрушаю,
в воздухе или в металле, —
не знаю, не знаю. Оставлю след, пройду ли,
я не знаю.

Знаю лишь песню. Всего-то просила
в кровь впрыснуть ритма награду.
Пока жив мой голос — мне все по силам,
другого не надо.

Cecilia Meireles. Motivo
(с португальского)

Из Эдварда Хирша

Так будет выглядеть последний вечер

Ты сидишь в углублении эркера
В опустевшем прибрежном кафе.
Поздно, и хозяин готов закрывать,
Хоть ты и горбишься над батареей,
Отдающей еще тепло.

Вот ты спускаешься к берегу
Последнюю синь волны наблюдать.
Ты, бывало, жил в тесноте, в домишках,
Где стены душили, но даже тогда
Оставалось море, небо было твое.

И никто не спешит отпить с тобой
От морского тумана, глубин теней.
Ты — и космоса водоворот.
В далеке теплых стран — прощай, любовь.
Не кончается ночь, бесконечна тишь.

Edward Hirsch. What the Last Evening Will Be Like
(с английского)

Из Р. Бротигана

Позволю себе жениться на Эмили Дикинсон

Вчера жена в Бразилии развелась со мной,
И, шоссе в дожде — мой свидетель,
 у юности спустило колесо.
Я теперь волен жениться на Эмили Дикинсон.

О, как углубленно мы займемся любовью,
Нежные руки сдвигая, как надгробья,
И наш оргазм будет сродни процессии похоронной.

Richard Brautigan. Feel Free to Marry Emily Dickinson

Шляпа Кафки

Дождь вскрывал, как хирург,
Мою крышу, а я ел
Мороженое в блюде,
По виду — шляпа Кафки,
Растаявшая в кашку,
По вкусу — операционный стол
С пациентом, глаза
Нацелены в потолок.

Richard Brautigan. Kafka's Hat
(с английского)

Из Карлоса Друммонд де Андраде

Квадрилья

Жуао любил Терезу, которая любила Раймундо,
который любил Марию,
 которая любила Хоакина,
 который влюбился в Лили,
которой никто не был нужен.

Жуао уехал в Штаты, Тереза ушла в монашки,
осталась в девицах Мария,
 Раймундо погиб в катастрофе,
Хоакин порешил себя,
 но Лили вышла замуж
 за синьора Дж. Пинто Фернандеса
из совсем другой истории.

Carlos Drummond de Andrade. Quadrilha
(с португальского)

Из В. Набокова

Нежнейший из языков

Чему я только слово не сказал,
что лжет губам, их разведя (про–щай –
почти good–bye): посланьям в небесах
и мебелирашкам (серенький дизайн),

и книжкам — их прервал ажиотаж
туннеля в аннотациях деревьев
поспешных, — мной отброшенный пейзаж
в раздавленной бананной кожуре,

и варежке с прорехой на большом,
прислуге мрачной в мрачном городке,
зажившим ранкам, улицам, ещё
лирическим вещам — любви, тоске.

Рукой, платком и шляпой вслед маша
земли полоске под названьем жизнь,
что отступает вечно, без конца,
и бормоча, что так тому и быть,

всему сказал на прежнем языке
то слово. Был язык отточен так,
что я, как будто древности поэт,
уж слышал гром признания в веках.

Но и ему пора; простимся тут,
нежнейший мой, правдивый, только мой...
Искусство с сердцем заново начнут
творить неловкой каменной киркой.

V. Nabokov. Softest Of Tongues
(с английского)

Из Эзры Паунда

Мансарга

Давай пожалеем тех, кто нас позажиточней.
Давай же, дружок, и запомни:
у богатых — прислуга, но нет друзей,
У нас же — друзья без прислуги.
Давай же сочувствовать парочкам и одиночкам.

Выход рассвета в пуантах,
Павловой в позолоте,
А я приближаюсь к желанной.
Что в жизни есть лучше,
Чем час этот в ясной прохладе,
Чем пробуждение вместе.

Ezra Pound. The Garret
(с английского)

Из Питера Расселла

Июньские ирисы на Пратоманьо

Дождь промывает ирисы. Смотри!
Огромность капель на цветках,
к земле прибитых.

В лампадах синих — желтый огонь,
полощется в летнем эфире.

Peter Russell. June Irises On The Pratomagno

Из Адриенн Рич

Деревья

Деревья изнутри стремятся выйти в лес,
который был так пуст все эти дни
жуку и птице
некуда присесть
и солнцу ноги в тень не окунуть
да, лес, что был так пуст все эти дни
наполнится опять к утру.

Высвобождаясь
из трещин на полу веранды,
работают всю ночь
корни; сочатся листья сквозь стекло
с застывших в напряжении
сучков, и отпускает судорога
ветви. Как пациенты
после наркоза
у дверей палат, они стоят.

Сию, сквозь дверь гляжу я на веранду,
пишу письмо,
в котором я не стану
распространяться об ушедшем лесе.
Ночь свежа, и небо неприкрыто
луна в нем так полна

и запах мха и листьев,
как голос, полнит дом,
и уши наполняет
их шепот, что замолкнет завтра.

Послушай. Хруст стекла.
Деревья рвутся выйти
в ночь. Ветры им спешат навстречу.
Луна, как зеркало, в осколках,
они поблескивают в кроне
большого дуба.

Adrienne Rich. The Trees

Хронология

Я любила тебя в октябре
ты тогда заслонялся копною
волос, проезжая тень в уголках
моего дома.

И уже в ноябре ты захватил
воздух над моей кроватью
вздыхая глухо
просил о какой-то помощи
нашептывал сны в среднее ухо.

В декабре наконец удалось
поддержать твои руки бережно
но свет не вернулся к восходу
пока ты
не допел нас к шотландскому берегу

Я пишу в январе, ты давно поблек,
украшение на плаще,
превратился в тень снежных комьев
не более чем собственный двойник
твои новые песни бьются в окна
наших высоких, грустных, чудных комнат.

Diane Di Prima. Chronology

Парадоксы и оксюмороны

Эти стихи — о простейших вещах в языке.
Погляди, как стихи говорят с тобой.

Ты глядишь из окна
Или притворно возишься с чем-то.
Они твои, но и не твои.
Ты без них, они без тебя. Вы друг без друга.

Стихотворению грустно —
оно бы не прочь быть твоим, но не может.
Что есть простейшая вещь?

То да это, всякое другое,
То, как вся их система вступает в игру. Игра?
Но, на мой взгляд, игра — это нечто поглубже,
Вещь наружная, приснившийся рисунок роли,
Что-то вроде раздачи благодати
в этот длинный августовский день.
Бездоказательна. Бесконечна.

Еще до того, как ты осозналаешь,
Она теряется в пару и стрекоте пишмашинок.

Снова сыграна. Ты, мне кажется, существуешь
Лишь для того, чтоб меня заманить
На свой уровень, где окажется, что тебя нет,
Или у тебя совсем другое отношение. А стихи
Просто меня усадили рядом. Стихи — это ты.

John Ashbery. Paradoxes And Oxymorons

СОДЕРЖАНИЕ

Лев АННИНСКИЙ

«А, может, это дыхание Бога?» Предисловие . . . 3

«Пляшу на резинке китайской игрушкой...» . . . 9

ОТРИЦАНИЕ ТЬМЫ

«Предощущение смерти...» 11

Партия тревоги 12

Юдифь 13

Будни Красной Шапочки 14

Апельсины из Москвы 16

«Мигрень рабовладелицей врывается в день...» 19

Прятки 21

Насекомые 22

Послеоперационное пессимистическое 23

Билеты забвения 25

Das Flugzeug 26

«На прогулке с профессором философии...» . . . 27

Отрицание тьмы 29

Шагал 30

«Соседи наблюдательны, как идеальные
врачи...» 31

Старый Munster 32

«Лишний вес...» 33

Пост-травматически-дементное 35

Покупка лампы. Исполнение желаний 36

ДОМИК В ДЕРЕВНЕ

Дачники 37

«Холодок в затылке — наставлено дуло леса...» 38

Уединение осенних дач 39

Миграция видов в сезон охоты 41

Деревянный дом 43

КАК ПУТЕШЕСТВОВАЛИ ВСЕГДА...

Автобусные поездки в странах третьего мира 45

Дни в ожидании Индии 47

Под Южным Крестом 49

Межконтинентальный паром 51

Расширение словарного запаса
на третий день пустыни 53

Субтропическое Рождество 55

Поиски древней Греции 57

«Переедешь в столицу, оставишь
без периферии...» 59

Киев. Агора трамвайных путей 61

Магазин антиквариата в Наталии, штат Техас . 63

Островок 64

В ПОИСКАХ ОБЩЕГО ЯЗЫКА

Перечитывая Снайдера в свете луны.	65
Перед бурей.	66
«Я пишу вам из последней комнаты...»	67
Симбиоз.	70
Таймс-сквер (Times Square).	72
09/11/2001	74
Пять строчек, вылепленных из снега.	76
Бруклинский мост на фоне Статуи Свободы	77
«По заливу, который ему так тесен...».	78
Бруклин. Тротуар в конце месяца.	80
«В арабском Бруклине в час намаза...».	81
«Выдуманый Мэд Хэттером...»	82

НАБЕРИСЬ, ЕСЛИ МОЖЕШЬ, ДРУГОГО ОПЫТА...

«Как изюминки из кекса, я выковыриваю из людей...»	83
Колыбельная для левой руки	84
На диване, среди цветов	85
Золушка из Сан-Хуана.	88
Парижанка (спойлер).	90
«Женщина моет седое надгробье...»	92
Бабушки на площади	93
Покровительница неродившихся детей	95
Ипохондрия	97

На языке Женевиэвы	99
Маша.	101
Из дорожных откровений.	103
Праведница мира	105
На десятый день.	107

СНЫ ИНТЕРПРЕТИРУЮТСЯ МОЕЙ НАУКОЙ...

«снится ступням сухая колючесть иголок основных...»	109
Словарь умной Эльзы	110
Новая Одиссея	112
Работница табачной фабрики	115
Учительский сынок.	117
Поэма детских страхов.	119
Две сказочки.	121
Конец Рапунцель	124
Жизнь Кашея	126
Нырлящик.	127

КАК Я СТАЛА ВЗРОСЛОЙ

Ревмокардит	129
Одесский зоопарк	131
Девушка	137
Мальчик	139
Письма, оставленные на О'эле.	141

ПЕРЕВОДЫ И ПЕРЕСКАЗЫ

Из Лэнгстона Хьюза

Из прошлого Мадам	143
Мадам и ее мадам	144
Жизнь хороша	145
Расстояния нет	147

Из Гвендолин Брукс

Нам все по приколу	148
Юго-восточный угол	149

Из Эдны Сент-Винсент Миллей

Непутешественница	150
Синяя Борода	150
Сонет XLII	151
Сонет II	152
Лишь до опушки леса	152
Любовь — не всё	155
Пир	156
Сонет XLII	157

Из Т. С. Элиота

Текст для старика	158
«Бостон Ивнинг Транскрипт»	159

Из Чарльза Буковски

Меланхолия	160
----------------------	-----

Из Энн Секстон

В ее стиле	162
Красные розы	163

Из Сильвии Платт

Рисково	164
По ежевику	165
Грибы	166
Слова, случайно подслушанные по телефону	168
Зимний пейзаж с грачами	169
Паралитик	170

Из Ли-Янг Ли

Гимн детству	172
Ты молился?	174

Из Билли Коллинса

Сонет	176
-----------------	-----

Из Люсиль Клифтон

Пожелания сыновьям	177
------------------------------	-----

Из Джудит Виорст

Как можно хотеть заводить детей в этом ужасном мире?	178
---	-----

Из Джонаха Уинтера

Сон	180
---------------	-----

Из К. И. Галчинского

Еврейский ребенок	181
-----------------------------	-----

Из Хорхе Луиса Борхеса	
Самоубийца.....	182
Коту.....	183
Из Дульсе Марии Лойнас	
Маленький горбун.....	184
Подземные воды.....	185
Из Сесилии Мейрелеш	
Мини-песенка	187
Моя любовь.....	187
Мотив	188
Из Эдварда Хирша	
Так будет выглядеть последний вечер	189
Из Р. Бротигана	
Позволю себе жениться на Эмили Дикинсон	190
Шляпа Кафки	190
Из Карлоса Друммонд де Андраде	
Квадрилья	191
Из В. Набокова	
Нежнейший из языков	192
Из Эзры Паунда	
Мансарда	194
Из Питера Расселла	
Июньские ирисы на Пратоманьо.....	195

Из Адриенн Рич	
Деревья.....	196
Из Дианы ДиПрима	
Хронология	198
Из Дж. Эшбери	
Парадоксы и оксюмороны.....	199

Литературно-художественное издание

Галина Ицкович

Примерка счастья

*Избранные стихи и переводы
2007–2017*

Редактор — Евгений Степанов
Компьютерная верстка, макет — Ирина Ракитина
Художник — Марк Поляков

Корректурa авторская

Формат 120x180
Бумага офсетная
Гарнитура Minion
Тираж ### экз.
Сдано в набор 01.03.2018
Подписано в печать ##.##.2018

Издательство «Вест-Консалтинг»
109378, г. Москва, Есенинский бульвар,
д. 1/26, корп. 1, офис 34.
Тел. (495) 978 62 75

Типография ИПК «Квадрат»
Белгородская обл., г. Старый Оскол
Комсомольский проспект, 73.